

Колдовские Миры

Катриона

ИГРУШКА ИМПЕРАТОРА

ЕЛЕНА ЗВЕЗДНАЯ

Annotation

Все хотят замуж за принца, а что делать тем, кому император достался? Да такой, что безжалостным ураганом сметает цивилизации, жестоко сжигает врагов и с ласковой улыбкой уничтожает тех, кто рискнул не подчиниться приказу великого Араэдэна. Но даже самые могущественные и всеильные не могут приказывать своему сердцу, а полюбив, уже ни перед чем не остановятся в борьбе за свое счастье. Его судьба не была простой, а его цель — загадка, которую Катрионе еще только предстоит разгадать, ведь она отлично знает: не проигрывает лишь тот, кто никогда не сдастся. И Кат, стиснув зубы, будет искать слабые места супруга, мило улыбаться и готовить заговор...

Вызов брошен, игра началась.

Елена Звёздная

Игрушка императора

Полдень встретил меня криком птиц и жуткой головной болью. Лежа на смятых простынях и откровенно влажной после ночной истерии подушке, я с ужасом вспоминала усмешку великого императора и его провокационное: «Катриона, вы станете моей... женой?»

Глухо застонав, попыталась осознать произошедшее. «Жена кесаря»... даже слов нет. Хотя сам факт того, что наш великий и ужасный впервые за триста лет озаботился брачными узами, несомненно, вызывал интерес! И я бы даже порадовалась за императора, если бы не одно «но» — стать супругой Араэдена Элларас Ашеро предстояло именно мне!

Страшно! Действительно страшно. Впервые будущее пугало своей определенностью и вместе с тем абсолютной неопределенностью! С другой стороны, это можно рассматривать как сделку века — кесарь получает меня, я получаю Альянс Прайды со всеми сорока семью подвластными государствами и контролируемыми территориями! Да я должна быть просто счастлива!

Вот только радоваться почему-то не получалось... Совсем. Несмотря на радужные перспективы. Стоило только представить ледяные, вызывающие безотчетный ужас глаза кесаря, и хотелось реветь в голос. И я, возможно, даже заревела бы, но снова вспоминалось уверенное: «Кат, я тебя не отдам...» И почему-то я верила. Напрасно, наверное, это же рыжий, но все равно верила...

А за дверями шептались служанки:

— Принцесса-то вчера устроила, а?

— Я вам говорила — любит она долларийца, и токмо его!

— Так айсир Динар бросил ее и уехал, не зря она так рыдала!

— А как выла-то, женщины, как выла... Сердце кровью обливалось! И ведь всегда такая скрытная, никогда и слезинки не пролила, а тут точно волчица раненая!

— ...Королева здесь всю ноченьку сидела...

— ...Давно пора! Двадцать лет, поди, дочь не замечала, все сторонилась, а тут вспомнила...

— ...А к королю тот самый лориец прибыл, которого Мать Прародительница покарала...

Услышав последнее, я подскочила. Простонала, обхватив голову, но решительно двинулась к выходу из спальни.

Бах! Это я двери распахнула... зачем же так громко-то? Бедная моя голова, вот тебе и напилась с горя... или от радости, тут уж как посмотреть. Скривилась, глядя на испуганных моим появлением служанок, хрипло спросила:

— Когда прибыл императорский посланник?

— Только что. Я, поднимаясь, видела... из портала вышел... — ответила Лихер, остальные находились то ли в глубоком реверансе, то ли в неглубоком обмороке.

— Ванну, вина и серый костюм! — приказала я.

Спустя полчаса я, несколько захмелевшая, но спокойная и решительная, вошла в отцовский кабинет. Присутствующие лорды и айсиры встали, приветствуя меня, посланник — айсир Илери — нацепил улыбку на взбешенное лицо.

По пути сюда я все думала: это кого же наказал кесарь, прислав лорийца в качестве вестника, — меня или Илери? Увидев выражение лица айсира, я поняла — его. Не простил, видимо, наш великий интрижки с собственной любовницей.

— Доброго дня, отец, айсир Илери, лорды, — я склонилась в реверансе.

— Доброго дня, айсира Катриона, — Илери решил быть добрым.

Бедняга! Видимо, это действительно стало для него жесточайшим наказанием. Все мечтал от меня избавиться, и вдруг я — его будущая императрица. Да, определенно кое-что в предложении кесаря доставило мне удовольствие. Унижение Илери, например.

Я мило улыбнулась и полюбопытствовала:

— Пришли поздравить меня, а, Илери? — вот тебе, и фамильярничать теперь я имею полное право.

Осознал, скривился, но сдержался...

— Позвольте вас поздравить... — начал лориец.

И попался же в ловушку, в которой уже бывал не раз.

— Позволяю, — милостиво согласилась я.

Опять скривился, но поклонился вновь и произнес:

— Поздравляю вас, айсира Катриона. Вы удостоились небывалой чести!

Да уж, действительно. Кесаря три века до меня пытались заполучить, а повезло только мне... Судорожный всхлип удалось подавить. Ну почему я так реагирую?! Я должна радоваться и благодарить судьбу, я должна петь от счастья и продумывать, кого заменю в аппарате управления... а кстати...

— Айсир Илери, — мой голос ласков до приторности, — вы уже обдумали, чем займетесь после императорской свадьбы?

Осознал намек. Интересно, а вызов примет? Примет, не сможет удержаться... Не удержался.

— Мне стоит подыскивать новое место для приложения моих способностей? — нервно спросил Илери.

— Несомненно, — подтвердила я его будущую отставку, и, пожалуй, это будет весьма приятное действие... для меня, естественно.

Побледнел. Посерел даже. Бедненький, сколь жесточайшее крушение всех его планов, а причина, как всегда, я, что очень приятно... мне.

Я прошла к отцу, встала по правую сторону его кресла и поинтересовалась, игнорируя Илери:

— И сколь грандиозные известия поведал уважаемый посланник?

Отец взял меня за руку, погладил пальчики и... «убил»:

— Свадьба будет сегодня, на этом настаивает кесарь, а я со своей стороны не вижу смысла отказываться.

Сегодня?! Как ледяной водой окатили! Сегодня! О Великий Белый дух, за что мне это...

Я пыталась сдержаться! Искренне пыталась. Я понимала, что Илери отслеживает малейшее отражение эмоций на моем лице, но... судя по его довольной ухмылке, он разглядел то, что я пыталась скрыть. И как выяснилось, он понял больше, чем мне бы хотелось:

— Айсира Катриона опасается первой брачной ночи? — и тон такой... любезно-приторный.

Намекает на мои приключения с Динаром? Осведомленность, несомненно, на уровне, но это ты зря, Илери, я подобного не прощаю, а для того чтобы не наговорил кесарю лишнего, получай:

— Вполне обоснованный страх для невинной девушки, не так ли? — я мило улыбнулась.

Весьма недоверчивый взгляд, но вопрос, явно возникший у Илери, был бы уже прямым оскорблением, и потому лориец смолчал.

Так, теперь перейдем к обсуждению иных вопросов.

— Отец, — я старалась говорить спокойно, — почему именно сегодня?

— На этом настаивает кесарь, — папа довольно улыбался. Видимо, ему сообщили и что-то еще, не зря же так радуется.

Я взглянула на Илери и секретарей отца и все же позволила себе выказать недовольство:

— У меня... даже платья нет.

— Катриона, — теперь возмущился отец, — подобные вопросы решай с матерью!

Ясно, значит, мой намек понял, но внять не решился. Потрясающе! Просто потрясающе!

— И когда именно... сие знаменательное событие? — не скрывая гнева, спросила я.

— На закате, в главном храме Матери Прародительницы, — подсуетился с ответом Илери, — к приготовлениям были привлечены маги.

Ого, значит, все так серьезно... пойду еще выпью. Интересно, пьяная невеста — это нормальное явление, при условии, что возраст жениха превышает ее собственный... даже не знаю, на сколько, но кесарь был бы староват и для моей прабабушки. О чем я думаю?! Это же сам кесарь Прайды, великий Араэден Элларас Ашери, я должна быть счастлива и горда собой...

Отправлюсь гордиться прямо сейчас!

— Что ж, не буду вам мешать, — вежливо произнесла я, решив покинуть дворец... и утопиться... Хотя о чем это я? Пойду поплаваю... от счастья.

Все вновь встали, провожая меня, но Илери, мерзавец, вдогонку заявил:

— Не стоит опасаться этой ночи, айсира Катриона, кесарь вас не разочарует, а его темпераменту... могут позавидовать и юнцы.

О, сколь полезная информация! Я развернулась и, премило улыбаясь, ответила:

— Благодарю, теперь, когда вы сообщили мне столь пикантные подробности, я просто... трепещу в счастливом ожидании!

И тебе бы заткнуться, хлыщ лорийский, так нет же, отвесил ироничный поклон и продолжает:

— Прошу прощения, но должен заметить, что счастливой вы не выглядите. Обычная невеста с радостью бы думала о столь знаменательном событии, а вы...

Я разозлилась, но если бить, так бить с ласковой улыбкой на лице.

— А вам доводилось быть обычной невестой, айсир Илери? — ядовито поинтересовалась я, а затем перешла границы допустимого: — И как прошла ваша первая брачная ночь? Надеюсь, вам достался темпераментный и... выно-о-осливый супруг.

Вот оно, тлетворное влияние Динара! Отец от меня подобного не ожидал, поэтому именно его гневное «Катриона!» и положило конец разбирательствам.

— Нет, айсир Илери, — разворачиваясь, произнесла я, — об отставке можете и не мечтать... это было бы слишком... милосердно с моей стороны!

Я шла по коридорам, вытирая слезы, но лучезарно улыбаясь всем встречным. Придворные подобострастно склонялись при моем появлении — их набежало столько, что дворец, и так не лишенный народа, казался переполненной базарной площадью. Я гордо прошествовала мимо, сухо отвечая на приветствия, затем свернула в покои... Лорианы.

Лора в окружении своих фрейлин — у нее они были, в отличие от меня, — продумывала наряд на вечер, и, когда я вошла, на ее лице отразилась смесь удивления и недовольства.

— Кат? — сестра грациозно поднялась, вызвав у меня полный зависти вздох. — Что ты тут делаешь? Тебя ищет матушка, твоё платье привезли и...

Резкий разворот — и я потопала к спальне Лоры. Схватив со стола ножик, направилась в ванную, но меня кто-то резко дернул назад. А Лориана сильная, я даже не ожидала.

— Катриона, ты что делаешь? — гневно спросила сестренка.

Я хотела ответить что-то пристойное, но вместо этого взмолилась:

— Лора, убей меня, а? Ты же так этого хотела... А лучше выйди, чтобы были свидетели, что это не ты, и...

Резкая пощечина меня однозначно отрезвила.

Я, прижав ладонь к пылающей щеке, испуганно смотрела на свою младшенькую, разгневанно взирающую на меня.

— С ума сошла? — злым шепотом спросила Лориана. — Ты соображаешь, о чем говоришь, Кат?! Кесарь весь Оитлон сровняет с землей... прецеденты были, вспомни Мират. О себе ты давно не думаешь, чего только одна твоя поездка с Динаром стоила, но подумай о нас, королевстве и народе, за который несешь ответственность!

И ведь она права. Совершенно права. Что же я делаю?!

— Кат, — сестра обняла меня, потом неожиданно сжала так, что едва ребра не затрещали, и прошептала: — Кат, прекрати истерить, ты сама на себя не похожа.

— Прости, — я бросила нож на пол, — не знаю, что со мной... просто не знаю... Глупо, понимаю, что глупо... прости. — Я судорожно всхлипнула. — Мне просто страшно, Лора, действительно страшно. Кесарь, он... я боюсь его. Я боюсь и его, и свадьбы! Мне безумно страшно, Лора! И я никак не могу с этим справиться... Прости...

Оттолкнув сестру, я поторопилась в свои покои, стараясь вернуть лицу выражение холодной отстраненности... Лориана окликнула меня уже в коридоре и, не обращая внимания на замерших при моем появлении придворных, крикнула:

— Кат, Динар тебе подарок свадебный оставил, я к тебе отнесла.

Иногда нам так мало нужно для счастья!

Я помчалась в собственные покои, стараясь выглядеть неторопливой и величественной, но сердце билось как пойманная птица.

В моих апартаментах царил хаос, бегали служанки и фрейлины королевы, о чем-то шептались придворные дамы, портниха с радостью палача возопила: «Пришла ее высочество», а я... я смотрела на шкатулку из белой кости и чувствовала от нее тепло даже на расстоянии. Я буду хранить его подарок... Буду хранить, несмотря ни на что, потому что... потому что это от него.

Подошла к столику, ласково прикоснулась к шкатулке, открыла и горько усмехнулась. Динар оказался верен себе, и меня ждал, как насмешка, цветок асоа... Он же завянет еще до

заката!

А может, это просто намек?

И я решительно захлопнула шкатулку! А вместе с ней захлопнула страничку собственной жизни. Я Катриона Ринавиэль Уитримана, я расчетливая стерва, я утырка, я проклятие, я дьявольское отродье! Да, в моей жизни были Готмир и чудо — шенге... Мой любимый папочка. Тот единственный, кто просто так очень любил меня. Да, мне казалось, что Динар мне не чужой, и... я буду скучать по этому несносному рыжему, который всегда умудрялся быть на шаг впереди. Что-то кольнуло в груди... да, буду скучать... По нашим скандалам, схваткам, спорам и совместной пьянке... Рядом с ним я чувствовала себя всегда такой наивной, и в то же время... О чем я думаю? Это же Динар Грахсовен, я его ненавижу, и тот глупый обряд в степи окончательно убил во мне все чувства... А потом еще непонятное на Вишневом острове... Стоп! Какие чувства? О чем я думаю?! О чем? Сейчас, когда передо мной открываются такие возможности, я почему-то все еще думаю о том, что потеряла! А что я потеряла? Может, цветок — это действительно намек? Но на что? Цветок асоа... завянет на закате. Значит, на закате что-то случится. Что? Ну, помимо моей брачной ночи с кесарем. А потом до меня дошло — Динар не мог оставить мне письмо или записку, вполне законно опасаясь, что послание мне просто не передадут. И он оставил цветок в качестве послания.

— Катриона, — позвала меня мама, вырвав из странных размышлений...

Сейчас бы открыть портал, сбежать к самому лучшему папе на свете и спрятаться за его широкой спиной от всего этого проклятого мира... Но Лора права, это кесарь. А судьбы Мирата для Оитлона я не желала. Значит, к шенге я не пойду... ни сегодня, ни завтра — возможно, когда-нибудь потом. Чтобы сообщить об очередной глупости его приемной дочери... Папа за такое по головке не погладит, но и выбора у меня нет. Просто нет.

— Катриона!

— Сейчас, — ответила я и снова вышла в коридор.

Хантр, увидев мой взгляд, сам полез в карман и протянул мне новую фляжку.

— Спасибо, — искренне поблагодарила я.

— Конфискуйте, — милостиво согласился мой верный страж, — у меня еще две с собой.

— Я запомню, — пообещала я и вернулась в свои покои.

* * *

Никогда не думала, что быть невестой — это так ужасно. Тоску скрашивала только фляжка. Ее пытались отнять, один раз даже отобрали, но... у меня же есть магия, и сосуд с семедейкой, гордо паря по воздуху, вернулся ко мне. В итоге и жить хорошо, и жизнь хороша-а-а. Пытаясь помочь служанке надеть на мою ножку туфельку с серебряными пряжками, я раз пять промахивалась, но... таки попала, хотя подозреваю, что пьяный хохот уже не наследной принцессы никого не порадовал.

В какой-то момент меня поставили перед зеркалом, и все издали дружное «ах!». Я проследила за их взглядами и издала испуганное «ой!». После чего посмотрела на маму, вновь указала на зеркало и спросила:

— А кто это?

— Ты, — улыбаясь, ответила прекрасная Ринавиэль Уитримана.

— Я?! — у меня был шок. — Я похожа... на... принцессу...

Все рассмеялись, а я посмотрела на чудо в белоснежном, расшитом бриллиантами и серебром платье, с фигурой, у которой имелись в наличии такие показатели, как осиная талия и... Я потянулась к фляжке. Мне было обидно, что такой Динар меня не увидит... Ужас, вот что семедейка с приличными принцессами делает — они становятся то неумеренно смешливыми, то слезливо-сентиментальными.

* * *

Свадьба. Основные моменты:

1. Похищение путем использования магии ветра второй фляжки у Хантра. Не забыть повесить ему оклад, так как разгневанный король Оитлона моего верного офицера премии лишил.

2. Фляжку забрал отец, посмотрел на нервно хихикающую меня и допил все сам, во избежание, так сказать. Теперь хихикаем оба. Придворные, среди которых почему-то много близнецов, странно на нас смотрят. Еще странно то, что мы с папой видели у одной дамы два носа, а остальные почему-то не хотели разглядывать сие чудо природы... хотя мы громогласно призвали народ обратить внимание на столь редкое явление. Дама обиделась... а ну ее.

3. Ради столь знаменательного события, как собственное бракосочетание, кесарь создал действующий портал, причем огромный, так что свадебный кортеж проехал беспрепятственно. Нам с отцом было весело, и мы развлекались тем, что обсуждали дворцовые сплетни... Старались говорить шепотом, но я сидела в карете, а отец ехал верхом... В результате планы на вечер срочно поменяли три рогоносца, а четыре дамы уяснили, что им лучше скрыться в имениях... Один лорд прозрел и узнал, почему у него, темноволосого, и темноволосой же его леди родились три блондинчика... Эх, а хороший был у нас конюх... Потом мама сказала, что сейчас начнет злиться, и мы с папой замолчали...

4. Проход сквозь портал и прибытие в Праер — столицу Альянса Прайды. Нас встречали радостными криками, осыпали лепестками цветов. Торжественно потрескивали фейерверки, слабо заметные на еще светлом небосклоне.

5. Я начала трезветь.

И на этом веселье закончилось.

Огромная площадь в форме эллипса... Главный храм Матери Прародительницы серый и величественный, стоящий на восьми колоннах и открытый всем ветрам и взорам... Крики радостной толпы... Ожидающие у храма весьма недовольные событиями айсиры с семьями и придворными.

Всадники и кареты свадебного кортежа остановились на въезде к площади. Отец спешил, став серьезным и собранным. Подойдя к моей карете, сам открыл дверцу и протянул мне руку... Традиции соблюдают даже короли.

Я протянула ладонь навстречу и позволила вывести себя из кареты... площадь погрузилась в тишину, как в сон... Традиция. Это называется «не спугнуть счастье». Считается, что в этот момент над молодыми витает благословение Матери Прародительницы и его нельзя спугнуть. И несмотря на то что обычно толпа людей в любом случае тишиной не отличается, сейчас было тихо. Молчаливое безмолвие, охватившее более чем десять тысяч

человек... Интересно, они действительно боятся спугнуть счастье, или опасаются кесаря, или просто все в трансе при виде избранной императором пассии? Что-то мне подсказывает, что верно третье предположение. С другой стороны, во всей этой свадебной мишуре я выгляжу пристойно, так что можно списать молчание на страх перед кесарем.

Мы с отцом шествовали, контролируя каждый свой шаг под взглядами тысяч присутствовавших... И мы идем в абсолютной тишине, в полнейшем соответствии с традицией... Все так торжественно... и так глупо! Как все это бесконечно глупо! Кричите, вопите, продолжайте неистовствовать! Здесь нет счастья, нет любви и нет выбора... впрочем, не к этому ли меня готовили?! С грустью вспомнила всю ту вереницу претендентов на мою руку, которые сбегали от принцессы-утырки столь быстро, что иной раз свите приходилось бежать следом. Невольно взглянула на придворных и айсиров. От толпы их отделяли два ряда легковооруженных стражников, но в остальном — короли и повелители с семьями и придворными стояли, как и простой народ. Я даже с шага сбилась, осознав это. Кесарь, одним этим месторасположением, показал всем, кто здесь хозяин. И ведь правителям пришлось молча проглотить фактически унижение. Анарга, Интар, Хорния — самые крупные и могущественные среди сорока семи подвластных Прайде государств, но и их короли стоят в толпе, обделенные полагающимися их статусу посадочными местами и прочей атрибутикой. Я поражена до глубины души!

Кесарь, в белом расшитом серебром костюме, ожидал на пороге храма... ветер играл его присобранными от висков прядями, и платиново-серебристые волосы сверкали в лучах заходящего солнца... Я с грустью вспомнила подаренное Динаром кольцо... Я так хотела надеть его, но разве подходят золото и рубины к сверкающему белоснежному платью, что по обычаям Альянса Прайды было расшито серебром? Мама сказала, что нет... Кольцо осталось в той самой подаренной Динаром шкатулке, рядом с увядающим цветком...

Мы подошли к ступеням... Кесарь медленно двинулся навстречу, вызывая каждым движением благоговейный трепет толпы. Он величественно приблизился ко мне, и его улыбка из презрительной превратилась в ироничную... Ну да, я всегда буду для него той самой «жестокой насмешкой судьбы»! И вот теперь он на мне женится, и они с судьбой будут насмехаться вместе... Забавный дуэт выйдет — бессмертный кесарь и призрачная судьба. Даже думать не желаю об этом! Ни о чем не желаю думать... Мне хотелось почувствовать дождь... чтобы капли падали на мое лицо, смывая грим и желанные слезы. Но слез не было. Я же принцесса, я обязана держать лицо в любой ситуации... А брак из соображений политической выгоды — что может быть естественнее для леди моего положения?

Тихий звон хрустальных колокольчиков... церемония началась...

Кесарь взял меня за руку, чуть сжал мою безвольную ладошку и обратился к отцу... им вообще было легко говорить поверх меня, я обоим до плеча не доставала даже на платформе свадебных тувелек.

Начинал кесарь:

— Король Оитлона, Ароиль Энжернон Астаримана, отдаешь ли мне дочь свою по праву отца и с благословением матери?

И во мне что-то сломалось! Не хочу, не могу, я не в силах! Папа, скажи «нет»... прошу тебя... Я всегда была послушной дочерью, я отказалась от Аршхана ради Оитлона... Я вернулась во дворец ради спасения твоей жизни... Папа, я столько раз шла наперекор своим

принципам и желаниям, хоть раз шагни мне навстречу! Папочка, ты никогда не спрашивал, чего я хочу... спроси хоть раз, прежде чем передать мою жизнь и судьбу в руки того, кого сам боишься... Ведь ты такой большой и сильный, папа, а я... лишь дочь, и мне так нужна твоя защита... Не делай этого... пожалуйста... Папа...

Но отец отпускает мою руку, и я слышу торжественные слова:

— Кесарь Прайды, великий Араэден Элларас Ашеро, отдаю дочь свою, Катриону Ринавиэль Уитримана, по праву отца и с благословением матери!

Сделка совершена!

Стороны довольны, мнение жертвы никого не волнует... Лучше бы меня съели гоблины!.. Лучше бы меня просто съели гоблины!.. Но судорожный вздох — и я вновь беру эмоции под контроль... Меня в любом случае выдали бы замуж исходя из политических интересов, а кесарь... он просто самый худший случай. Или лучший, тут уж как посмотреть. И я посмотрела. На храм Матери Прародительницы. Такой величественный и громадный. И я стояла перед ним маленькая, ничтожная и испуганная предстоящим действием, но храму было все равно. И моему отцу тоже было все равно, и всей толпе, что собралась поглазеть на чудо, также было все равно. И нужно найти в себе силы смириться со всем этим, и тогда мне тоже будет все равно.

Отец и кесарь одновременно опустили на правое колено, и я, придерживая платье, сняла с их помощью обе туфельки... жене полагается входить в храм Матери Прародительницы, чувствуя свою ранимость... Даже правители обязаны соблюдать традиции.

Король Оитлона поднялся, кесарь тоже. Он первым вступил на ступеньку и потянул меня за собой. Придерживая край платья, я шла следом за своим супругом и повелителем. Великий на мгновение замер на пороге храма и дальше пошел медленнее, шадя мои ноги... Камни! Острые, вспарывающие кожу камни... Вот теперь я могла плакать с чистой совестью, не боясь осуждения... После третьего шага ступала уже, прикусив губу и понимая, что оставляю кровавые следы... Традиции — к гоблинам! Наши жестокие традиции!

Огромная статуя Матери Прародительницы казалась мне зло ухмыляющейся, но я дошла, сцепив зубы и прикусив губу до крови.

Кесарь уже проговаривал слова клятвы уверенно и хладнокровно, а я... слушала его и вздрагивала от порывов прохладного ветра... Хотелось выпустить свою силу, заставить ее плясать под куполом храма и чтобы жалобно звенящие колокольчики заиграли веселую мелодию... Мечты-мечты... глупые мечты... А сейчас бы раскинуть руки и, забыв обо всем на свете, бежать по лесу, пусть даже за ягодами с орчатами... И охт в преломленных солнечных лучах я вчера так и не увидела... Сердце болезненно сжалось. Шенге, я больше не хочу знать, что мое сердце хотело мне сказать. Прости, папочка, эту поведенную тобой мудрость я так и не сумела постичь...

Мой венценосный уже супруг замолчал, и все замолчали, даже колокольчики смолкли. Я подняла голову и посмотрела на статую Матери Прародительницы... Надо бы сказать слова клятвы, а я... не могу. Но должна! Ради Оитлона, ради родных, ради тех, забота о ком — мой долг, долг наследницы...

— Клянусь... исполнить свой долг... — прошептала я.

На большее не было сил.

И зазвенели, неся радостную весть, колокольчики, их подхватили трубы герольдов... Брак совершен! Отныне я жена самого страшного человека в Рассветном мире. Хотя можно

взглянуть на ситуацию иначе — отныне я жена самого могущественного человека в Рассветном мире... пока жена. А что там взбредет кесарю в голову — еще неизвестно, у него не раз любовницы пропадали без вести... Не буду об этом думать! У меня сейчас другая задача на повестке дня — я должна сжать зубы и, стараясь не вскрикивать от боли, дойти до выхода. И сделать это, сохраняя достоинство и выдержку! Потому что принцессы не плачут, императрицы тем более.

Развернулась и, закрыв глаза, сделала шаг... нога прикоснулась к гладкому льду. Я испуганно вздрогнула и удивленно посмотрела на ледяную дорожку, протянувшуюся до самого выхода, потом на супруга. Кесарь улыбнулся лишь мне уголками губ, и я почувствовала благодарность к этому страшному человеку — теперь идти оказалось не больно, а холод был столь желанным для израненных ног.

Мы остановились на пороге храма, и толпа кричала поздравления и пожелания... Нам было все равно... Кесарь взирал на творящееся безобразие безразлично и величественно, словно с ледяного пьедестала, а я... скрывшись за пеленой слез.

Покидали площадь на белоснежном скакуне. Еще одна традиция! Я все же втиснула израненные ноги в туфельки, хотя это было и не обязательно. Холодные руки кесаря обнимали бережно и благопристойно, а точнее — холодно и отстраненно. Бедный наш вечно молодой правитель — пришел конец столь продолжительной холостяцкой жизни... Интересно, и почему мне его даже ни капельки не жаль? Бессердечная я и жестокая.

И мы едем по улицам заполненного народом города. Повсюду цветы, цветы, цветы... А я практически ничего не вижу, отстранившись от народа, как венценосный супруг отстранился от меня. Но когда въехали во внутренний двор дворца из красного гранита, кесарь не позволил стражникам прикоснуться ко мне. Спешившись, подхватил на руки и отнес в спальню, отделанную белым и серебром. Слава богам, у меня будут собственные покои! Поговаривали, что любовниц кесарь селит в своей спальне, и покидать ее пределы им частенько запрещается. С другой стороны, я-то всего лишь жена. Я только жена, и я все же жена... Как-то странно все это и совершенно не логично.

Однако дальнейшие действия императора Араэдена заставили испуганно вскрикнуть не только меня, но и ожидающих с бинтами служанок. Кесарь аккуратно уложил меня на постель, усыпанную лепестками белых цветов, и начал осторожно поднимать юбки подвенечного наряда...

Только не это!

Великий Белый Дух, прошу тебя, исполни последнюю просьбу моего детства, только не так, не при посторонних, не при свете дня...

Но кесарь, нежно прикасаясь к ногам, потянулся, коснулся застежек на чулках и стянул тонкую ткань, оголяя ноги... Я закрыла глаза, не желая знать, что будет дальше... Он потянулся ко второму чулку и столь же безжалостно его снял. Значит, здесь, сейчас и вот так... Надеюсь, служанки нас покинут.

— Вода, — прозвучал тихий голос кесаря.

«Утопит», — почему-то решила я.

Служанки внесли ванночку, наполненную теплой водой. Мой венценосный супруг, стянув перчатки, опустился на колени, а затем... Приподнявшись на локтях, с замиранием сердца и всевозрастающим удивлением я проследила за тем, как кесарь нежно и осторожно

омывает мои израненные ноги. И это не было традицией. Исходя из брачных обычаев, супруг должен был меня покинуть и вернуться лишь после заката. Ранами новобрачной занимались или слуги, или ближайшие родственницы, но никак не жених!

— Унести, — скомандовал кесарь.

Едва ванночку с порозовевшей от моей крови водой забрали, Араэден начал аккуратно вытирать мои ножки, стараясь не касаться порезов на стопе. Мне было больно, действительно больно, но, глядя, как бережно он прикасается, я просто не решилась даже вскрикнуть или застонать. Зажмурившись, терпеливо ждала, пока он закончит.

Но кесарь сумел удивить снова! Потому что следующее, что я ощутила, было прикосновение его губ к моим израненным ногам... «Кровь пьет!» — мелькнула ужасающая мысль, и я открыла глаза... Кесарь заметил мою реакцию и улыбнулся с какой-то нежностью во взгляде... Он так умеет?! Как в жутком сне я ощущала прикосновения по всей стопе, и, когда император отпустил мою ногу, боли уже не было, а кесарь тянулся ко второй.

И он продолжал следить за мной, лукаво усмехаясь... а завершив, поднялся и направился к выходу, вытирая окровавленные губы... На пороге оглянулся, улыбнулся уже шире и произнес:

— Не так уж и страшно. Да?

Ответа кесарь не ждал, величественно удалившись, прежде чем я смогла хотя бы осознать вопрос.

Это что сейчас было?!

Шокированная, мягко выражаясь, до глубины души, я просидела до тех пор, пока не начали вежливо покашливать служанки. Вот тогда я осмотрела свои ножки... У камней храма Матери Прародительницы есть одно отвратительнейшее свойство — раны долго не заживают. Не поможет ни мазь, ни зелье, а если воспользоваться волшебством, зуд возникнет такой, что невеста уже и сама не будет рада. Говорили, что традиция эта призвана заставить жену ощутить свою беспомощность и... чтобы даже мысли о побеге не появилось, но вообще жестоко... традиции, к гоблинам! Я вновь прикоснулась к стопам — ни шрамика не осталось... и зуда нет. Что это за магия?

Встала, игнорируя возмущение служанок, прошла по ковру — не больно, и даже малейшего дискомфорта не ощутила. Делаем выводы — заботливый муж мне попался, но главное, чтобы не выносливый!

* * *

Мне помогли снять платье, принять ванну, волосы расчесали и оставили распущенными. Сорочка для моей первой брачной ночи вызвала нервный хохот, но... пришлось надеть. Всю эту срамоту прикрыл белоснежный халат из плотной ткани, и наконец меня оставили в одиночестве — любоваться собственным отражением.

Где-то внизу шумел свадебный пир, слышались тосты за благополучие молодоженов, играли музыканты, а я, как и полагается новобрачной, терпеливо ожидала маму и близких женщин... По традиции им предстояло одарить меня подарками и наставлениями. Этих самых приближенных и умудренных опытом набралось столько, что я вздрогнула, осознав, что ко мне идет не группа поддержки, а армия морального подавления.

Двери распахнулись сразу двумя створками, и если первой вошла мама, то Лору

отгеснила какая-то пухлая высоченная женщина, которая поторопилась ко мне.

Свой дар дама необъятных размеров небрежно бросила на стол, присела передо мной и запричитала:

— Ой ты красота писаная, ой что же ты ноженьки не бережешь, на постельке не возлежишь?!

Я посмотрела на толпящихся — поздравляющих и наставляющих — и снова на даму... У нее обнаружили щетина и серые глаза... мои собственные глаза увеличились в размере, но вопль «Рыжий!» я удержала.

— Ой красота писаная, — продолжил Динар писклявым голосом, — ой что ждет-то тебя...

— Что? — не поняла я.

Далларийский правитель в черном парике очень недобро на меня посмотрел, но ответил все тем же писклявым голосом:

— Ночь тебя ждет... брачная... с рыжим!

Я была поражена до глубины души. Динар все же тут! Тут! Так вот что означал цветок асоа — «Мы встретимся на закате!». Но при чем тут брачная ночь?

— Э-э-э, — протянула я, — кесарь-то не рыжий...

— Зато бесстыжий, — прошипел Динар, пользуясь тем, что дамы начали открывать свои подарки и тем самым несколько отвлеклись от нас. — Кат, когда он попытается осуществить свое право мужа, сработает портал, и тебя перенесет ко мне...

— В Далларию? — испуганно выдохнула я. — Динар, ты с ума сошел? Он уничтожит тебя!

Тихое рычание напомнило, собственно, об окружающих. Пришлось вежливую улыбку изображать.

— Вот для того, чтобы не уничтожил ни Оитлон, ни Далларию, я и не вмешался до церемонии... хотя с трудом сдержался! Ты исчезнешь в портале, отследить кесарь не сможет. Все, Кат, и... — поднимаясь, он коснулся губами моей щеки, прошептал: — Я люблю тебя, утырка моя несносная, и только такая дура, как ты, до сих пор этого не поняла.

— Ди... — я смотрела на самого невероятного мужчину в женском платье и смешном парике и прошептала: — Это риск.

— Я тебя никому не отдам, — едва слышно ответил Динар, — ни оркам, ни гоблинам, ни кесарям! И мне нужна ты, Кат, только ты, такая, какая есть, без Оитлона и магии, в одной только этой ночной рубашке... — затем хитро улыбнулся и добавил: — А можно и вовсе без нее.

И он отошел в толпу и затем, когда внимание всех дам было сосредоточено на мне, покинул спальню, а я... Я, кажется, тоже его люблю...

И уже с улыбкой выслушивала поздравления и наставления, глупые рассказы, у кого и как было в первый раз, хотя... вот рассказ айсиры Вилетины вызвал у всех дам состояние резкого приступа кашля, и я заинтересовалась... в результате приступ кашля охватил и меня... Это надо же так бояться первой брачной ночи, что в ожидании супруга перепробовать трех стражников разом и по отдельности. М-да, айсира однозначно много выпила.

А вообще шли бы они, я хочу первой брачной ночи... с рыжим!

Увы, дамам тут понравилось. Служанки принесли вино и фрукты, и посиделки превратились в пьянку со смыслом... Оказывается, леди не пьют вино на балах, зато

напиваются в тесной сугубо женской компании. В результате леди сидели везде, кроме постели — ибо то место, как алтарь, было в их понимании неприкосновенно. Все о чем-то говорили, что-то рассказывали, а я сидела с глупой улыбкой и думала о... рыжем.

— Катриона, — Лориана села ближе ко мне, — ты боишься?

— Нет, — честно ответила я.

— И правильно, — младшенькая поправила мои волосы, несколько растрепавшиеся от примерки пятой подаренной дамами диадемы, — ничего страшного в этом нет. А кесарь, он темпераментный, у него всегда две, а то и три любовницы при дворе.

Настроение стремительно скатилось в пропасть, вот как раз думать о кесаре не хотелось... заботливый, конечно, но... я слишком многое знаю об его иной стороне.

— Лора, — прошептала я, — не желаю об этом слышать!

Тут вошла какая-то леди, что-то тихо сказала, я даже не разобрала что, но дамы спешно начали собираться, в результате остались только мама и Лориана. Появившиеся служанки унесли все дары, убрали последствия внеплановой попойки. В общем, все указывало на то, что приближается время основного действия. Стоило бы волноваться о предстоящем, но я... не могла думать об этом без улыбки.

Меня подняли, халат сняли и в ужасно развратной сорочке уложили на постель. Служанки поправили волосы так, что они теперь словно струились по подушке, прикрыли меня покрывалом и ушли, оставив наедине с мамой и сестрой. Мама плакала, Лора пыталась ее успокоить.

Я не выдержала:

— Мам, а разве ты не так стала женой?

— Нет, — прекрасная Ринавиэль подошла ближе, — я любила твоего отца больше жизни, да и сейчас люблю, а ты... Катриона, проклиная себя за то, что не замечала старшую дочь столько лет, — я хмуро взглянула на Лору, та безразлично пожалала плечиками, — ты росла без любви и замуж выходишь не за любимого...

Снова слезы. Ох, как сложно-то.

— Мама, а почему я ношу имя дедушки? — попыталась я отвлечь родительницу от самобичевания.

Королева Оитлона всхлипнула и, вытирая слезы, ответила:

— Из-за того что родилась черноглазая, как я и как мой отец. У меня пять сестер, но только я унаследовала отцовский цвет глаз, и поэтому... отец выделял меня среди других дочерей... Он согласился отдать меня в жены Ароилю из рода Астаримана лишь после обещания: если родится дочь с черными глазами, то она будет носить родовое имя Уитримана.

Я задумалась, сцепила руки на животе и задумчиво протянула:

— То есть... дед действительно был магом, и ты об этом всегда знала!

Мама кивнула. Потрясающе! Один родственник за черные глаза дал свое имя, в обход всех традиций, другая прокляла. Эх, Катриона, что же везет тебе, как...

В коридоре послышались уверенные кесаревские шаги.

Я испуганно посмотрела на маму, потом на Лору...

— Все будет хорошо, кесарь как любовник выше всех похвал, — сообщила Лориана и, обняв опешившую от ее слов маму за плечи, увела ее в коридор.

Судя по одновременному вопросу «Как она?», все изгнанные дамы собрались как раз-таки за дверью. Они тут постоянно будут? Свечу подержать не дали, так хоть послушаем? Но

нет, прозвучали пожелания кесарю, и тут же послышалось шуршание юбок удаляющихся леди. Ой, что сейчас будет...

Кесарь открыл дверь по своему обыкновению — не прикасаясь к ней руками. Вошел, осмотрел спальню, и... свечи вспыхнули ярче, разгоняя приватный полумрак... Я невольно натянула покрывало до подбородка. Кесарь жест заметил и, глядя на меня, ласково улыбнулся... покрывало мгновенно вернулось в исходное положение! Я еще жить хочу. Мне вообще только что в любви признались, и от этого такая волна невероятного счастья, что... даже кесарь не особо пугает.

Супруг кивнул, оценив мое покорное поведение, и его пальцы потянулись к застегкам камзола... Ну, лицо-то у него молодое, выглядит ровесником Динара, но смотреть на то, что у него под одеждой, желания не было... а закрыть глаза страшно. И вообще, рыжий — сволочь! Что значит: «Когда он попытается осуществить свое право мужа, сработает портал, и тебя перенесет ко мне»? А вот прямо сейчас меня перенести нельзя? А?!

Кесарь развернулся, внимательно посмотрел на меня. Взгляд его мне совсем не понравился. Затем супруг сделал шаг ко мне, и в этом движении было что-то угрожающее. Но, остановившись, император кивнул каким-то своим мыслям и исчез в портале... вот тебе и брачная ночь, Катриона Ринавиэль Уитримана! Я даже возмутилась.

Полежав немного, села, начала нервно барабанить пальцами по покрывалу... И куда он делся? Дымчатый портал, появившийся посреди комнаты, продемонстрировал, что кесарь уходил недалеко и ненадолго, а вернулся весь мокрый, с влажными волосами и... в одном полотенце на бедрах...

Внезапно я осознала две вещи: первое — я снова люблю природу; второе — а кесарь далеко не столь худошавый, как ранее казалось.

И нужно бы лечь, и вновь строить из себя благопристойную супругу, но... Араэден хорош... даже слов нет как... Это какая-то иная красота, не столь живая и мужественная, как у Аршхана, и не столь привычная, как у Динара, но... по-своему кесарь великолепен... не зря любовницы готовы ждать его величие денно и ночью.

Хорош-то хорош, но вот стой там и не надо ко мне подходить... не... Спасите меня!

В общем, когда кесарь медленно и неторопливо, но уверенно и целенаправленно двинулся к постели, а я с трудом сдержала желание с визгом броситься прочь... Надеюсь, Динар все сделает правильно и заберет меня.

С этими мыслями пришлось лечь... сложить руки на груди, словно невзначай прикрыв самое интересное от взгляда кесаря, и закрыть глаза... Красивый, это да, но... а вдруг у него ЭТО тоже жуткое, как у рыжего... а муравьев тут нет! И даже если бы и были, сомневаюсь, что я решилась бы на такую шалость... С кесарем шутки плохи...

Кровать прогнулась, принимая его вес... я начала концентрироваться на дыхании и верить в рыжего... Супруг придвинулся ближе... Продолжаю верить в рыжего... Император уже был близко, так близко, что я ощущала его дыхание кожей... Все еще верю в некоторых далларийских недоорков... Странно, а почему ничего не происходит?

Открываю глаза и вздрагиваю — кесарь склонился надо мной, так что теперь я ощущаю его дыхание на лице, и он пристально глядел в мои глаза... Словно ждал, когда я глаза открою, и лишь теперь улыбнулся.

— Смотри на меня, — приказал кесарь, — смотри внимательно...

Я поняла, что начинаю дрожать от ужаса, и взмолилась:

— А сказку?

Это, конечно, не входит в местные традиции, но Динар и Аршхан рассказывали...

Император вдруг улыбнулся... В свете ярко-горящих свечей сверкали платиновые волосы, притягивали взгляд его странные льдистые глаза... вот только на такую красоту приятно смотреть, но прикоснуться у меня нет никакого желания. Хочу сказку... и не хочу кесаря!

— Сказку... — протянул кесарь, и покрывало исчезло, выставляя напоказ весь мой неприглядный наряд.

— Не эту, — я позволила себе проявить возмущение.

— Хорошо, — согласился супруг, и исчезла моя сорочка... она и так мало что скрывала, но все равно обидно.

И вообще... не слишком приятно! Я поискала глазами, чем бы прикрыться, увидела свой халат и притянула его, используя ветер. Укрылась, торжествуя посмотреть на мужа.

Кесарь ласково улыбнулся, и мой халат осыпался белоснежными лепестками роз... Ну да, нашла с кем спорить...

Вновь закрываю глаза и готовлюсь к худшему или лучшему. Где мой Динар?!

Прохладная рука ласково коснулась живота, вынуждая невольно вздрогнуть. Вот раньше тут было что гладить, а сейчас там... талия. И что примечательно — раньше я кесаря не интересовала, а теперь — нате и пожалуйста на брачное ложе... У-у-у! Где этого рыжего гоблины носят?! Где он?!

А кесарь продолжал нежно, успокаивающе поглаживать мой животик... И я вдруг понимаю, что думаю лишь об одном: только бы супруг прекратил меня трогать! Раздражают его прикосновения, но еще больше раздражает ощущение, что он касается меня гораздо глубже. Такое чувство, что он поглаживает не поверхность живота, а что-то внутри! И от этого странная дрожь... Я не выдержу больше!

Кесарь неожиданно остановился. Вновь провел пальцами от груди и до живота, но на сей раз ничего раздражающего я не ощутила. А затем он наклонился ко мне снова, и его прохладные губы... не скажу, чтобы совсем уж противно, но и приятного мало.

— Спи, — после поцелуя прошептал император, и покрывало явилось из ниоткуда, укрыв до шеи.

Кровать тихо скрипнула... э-э-э, куда?! Я подскочила и открыла глаза. Законный супруг поплотнее обвязался полотенцем и, судя по всему, собирался меня покинуть...

Какого демона?!

— Мой кесарь! — испуганно выдохнула я, понимая, что, если он уйдет, плакала моя ночь с рыжим... а она обещала быть жаркой, к тому же мне необходимо было выяснить несколько моментов. Например, что он у Лоры делал, и правда ли... что любит. Второе важнее.

— Мм? — муж вопросительно посмотрел на меня.

— Вы... уходите? — задала глупейший вопрос я.

— Ты не готова, — спокойно ответил кесарь.

— Я?... — даже задохнулась собственным возмущением. — Я готова...

Кесарь вздернул левую бровь и посмотрел на меня о-о-очень внимательно... Я подумала и немного приспустила покрывало, обнажив... кусочек плечика. У кесаря медленно поднялась правая бровь, пока не достигла уровня левой. Я... обнажила плечико полностью, призывно глядя на супруга! Демоны, я его еще и соблазнять должна?! Вот что значит древний, молодые как-то сами... энтузиазм проявляли.

Великий Араэден Элларас Ашеро усмехнулся и начал демонстративно разматывать полотенце, не сводя глаз с меня и явно ожидая моей реакции... Я зажмурилась... Я все понимаю, но увидеть ЭТО снова как-то нет особого желания.

Веселый смех кесаря стал последним происшествием в данную первую брачную ночь. С его уходом и свечи погасли...

Я рыдала от отчаяния и бессилия, но уже после того, как вспомнила все известные мне ругательства. В результате так и заснула на огромной постели. Мысль, что где-то так же ругается рыжий, несколько утешала.

* * *

Утро встретило меня злым оскалом в зеркале. Оскал был моим! Три раза я выходила замуж, и единственный раз, когда очень хотела, чтобы супруг таки решился на активные действия, он посмел... пренебречь мной! Не удивлена, правда, но... зачем тогда было жениться?!

В общем... сначала к рыжему, потом к шенге, потом подумаю, что делать дальше.

Мой гардероб был привезен еще накануне, и сейчас я стремительно одевалась сама, не желая замечать служанок. Серая юбка, белоснежная рубашка, поверх широкий пояс, и я выхожу из собственных покоев, пытаюсь сориентироваться в пространстве. Так, это третий этаж, судя по оформлению коридоров в бело-голубых тонах. Сбегаю вниз по ступеням, игнорируя и слуг, и появившегося невесть откуда Илери с папкой документов. Невероятно, я первый день замужем, а меня уже загружают государственными обязанностями!

Оказавшись во внутреннем дворике, пытаюсь привести в порядок эмоции и создать портал. Так, сводим руки вместе, формируем кристалл, представляем место, где желательно оказаться! В общем, медленно раздвигаю грани... шаг — и я...

Где я?!

Странное помещение без окон и без видимых дверей, повсюду столы с колбочками, шипящими и светящимися, посреди всего этого разные книги, талмуды, вонь несусветная. Освещение при этом яркое, под потолком магические шары сверкают... За столом в центре сидит... ик... кесарь и устало смотрит на меня своими сверкающими глазами...

— И? — потребовал объяснения визита мой... супруг.

Э-э-э... а что ему сказать? Прости, дорогой, я к любовнику хотела? Точнее, не так, я хотела ко второму из своих мужей... продолжить, так сказать, брачные игры, а вы, мой дорогой супруг, в порядке очередности вообще лишь третий... Вряд ли его это впечатлит. Но сказать что-то нужно, иначе меня сейчас тут и препарировуют...

— Я... Доброе утро... дорогой, — и мило улыбнулась.

— И? — немногословный у меня кесарь.

— Я... хотела в Оитлон и...

— Ложь, — оборвал меня муж.

И улыбнулся... ласково так. Мой испуганный взор начал стремительно искать двери...

— Здесь нет дверей, — и тон у супруга тоже ласковый настолько, что даже отравиться самой хочется.

И тут посетила меня прелюбопытная мысль: «Интересно, а если право мужа кесарь возжелает осуществить утром, портал рыжего сработает?» Я жеманно поправила волосы,

стянутые в самый банальный хвост на затылке, чтобы не мешали в процессе убийства всяких рыжих... с глупыми планами, и шагнула к кесарю.

Он продолжал пристально смотреть на меня, но, едва я начала движение, произнес:

— Прежде чем совершить шаг, стоит осознать его последствия!

Ой... Так, реверанс и нижайшая просьба:

— Могу я вас покинуть? — нет... не так, двусмысленность получается. — Могу я идти? — интересно, как? Тут дверей нет. — Могу я...

— В Оитлон — да. Далее — нет!

Ого... я в ужасе.

— А... к оркам? — получился какой-то писк.

— Нет!

И передо мной открылся портал.

Я спешно шагнула в дымчато-серебристый проход и вышла во дворце Оитлона. И лицо у меня было такое, что ближайший стражник, отстегнув фляжку от пояса, протянул мне... У нас повальное пьянство процветает? Но фляжку взяла. Три глотка — и вернула назад. В следующее мгновение я издала вопль:

— Дина-а-ар!

Подхватив юбки, взбежала по лестницам, целенаправленно двигаясь в покои, что были выделены рыжему. Распахнув двери так, что стражники едва успели отскочить, ворвалась... в пустые комнаты. И здесь действительно было пусто... Ни вещей, ни исписанных его уверенным почерком бумаг... ничего.

— Катриона, ты удивляешь! — Лориана вошла, закрыла двери, отрезая нас от стражников и толпы любопытствующей челяди. После чего уже тише спросила: — Что ты здесь делаешь?

Я задала наиболее важный вопрос:

— Где Динар?!

Лора прошла в гостиную, устроилась на кресле перед незажженным камином и с грустью посмотрела на меня своими прекрасными зелеными глазами. Снова юная, снова восхитительная, и снова взгляд с налетом превосходства.

— Что ты за человек, Катриона? — ленивым и вместе с тем поучительным тоном начала Лора. — Столько времени открыто игнорировать его, а теперь, когда между вами уже ничего не может быть общего, ты требуешь подать Динара немедленно... Он уехал, Кат, еще в тот вечер, когда ты объявила о предложении кесаря. Зверем метался тут, все время повторяя: «Мейлина предупреждала», а потом открыл портал и исчез. Наутро вернулся за вещами, оставил тебе подарок и ушел уже навсегда.

«Не навсегда, — подумала я — он у меня был и в тот вечер, и даже вчера».

— И подарок, Катриона, — продолжила Лора, — он же со смыслом — цветок асоа недолговечен.

«Недолговечен... но, если положить его в воду умирающего дерева, он прорастет и расцветет тысячей цветов».

— Просто забудь о нем, Катриона. Ты жена кесаря... поверить не могу, и все же. Ты жена прекрасного и великого императора Араэдена. Вы с далларийцем никогда не будете вместе.

«Никогда — слишком длительный срок, а Динар, он... вечно выкручивается из самых

немыслимых ситуаций! И я тоже умею выбирать сухую из воды, так что мы справимся!»

— У тебя такое упрямое выражение на лице, — Лора пристально следила за мной.

— А ты напиши об этом Илери в следующем послании! — не сдержалась я.

Лориана побледнела, на мгновение отвела глаза, в итоге попыталась выставить себя жертвой:

— Как выяснилось, не одна я была столь неосторожна в словах...

— Ха-ха! Выкладывание в письмах всей подноготной о королевских артефактах ты назвала столь обтекаемой фразой, как: «Не одна я была столь неосторожна в словах»? Лора, ты... ты...

Я прошла и тоже села в кресло, напротив сестры. Отчаяние душило, говорить было сложно.

— Ты поставила под удар жизнь отца, — справившись с эмоциями, произнесла я.

— Кат, — Лора была бледна, но непреклонна, — мне пришлось выбирать между своей жизнью и жизнью папы. По-моему, мой выбор был закономерен!

— Я бы выбрала отца, — честно ответила я. — Хватит об этом. Илери я устраню в ближайшее время, все письменные доказательства уже уничтожены, а статус женатого человека не позволит ему претендовать на трон Оитлона.

И вдруг как-то совершенно внезапно поняла, что я никуда и никогда не смогу сбежать с Динаром... у кесаря имеется очень действенный рычаг воздействия на меня — мое королевство! Осознание этого было столь болезненным, что я на мгновение даже дышать перестала...

— Как прошла первая брачная ночь? — Лора всегда мастерски уходила от неприятных тем в разговоре.

— В слезах и одиночестве, — призналась я, все еще раздумывая над сложившейся ситуацией.

— Кесарь был груб?! — удивлению сестрички не было предела.

— Напротив — учтив, вежлив, нежен и... терпелив.

— Да, он такой, — Лора мечтательно улыбнулась, — бабушка рассказывала.

— Ничего не хочу знать об этом! — мрачно отрезала я.

Увы, Лора активно стремилась поделиться информацией.

— Напрасно, — протянула сестричка, — отныне самый желанный мужчина в Рассветном мире принадлежит тебе, и придется постараться, чтобы удержать этот приз, — Лориана вдруг улыбнулась, — а ты ведь ничего не знаешь о мужчинах.

— Я знаю о них достаточно, — мне хотелось прекратить этот разговор.

— Ты ничего о них не знаешь, — Лора откинулась на спинку кресла и добавила: — Жаль, бесконечно жаль, что место, о котором мечтала я, займешь ты.

Мне стало горько, очень горько.

— Зато тебе достанется Динар, — невольно произнесла я, и горло сжало спазмом.

— Айсир Грахсовен, — протянула младшая принцесса Оитлона. — Прекрасный, медноволосый правитель Далларии на требование отца о заключении брака со мной ответил предельно четко: «Мне не нужна ваша страна, айсир Ароиль, мне нужна только ваша дочь. Отдайте мне Катриону, и я откажусь от любых претензий на престол». — Я перестала дышать, а Лора продолжила: — В тот день, когда ты столь неудачно упала в обморок, отец собирался объявить о вашей помолвке. Вашей, Кат... меня Динар никогда не хотел. И я знала об этом с той самой первой встречи, когда айсир Грахсовен вошел в тронный зал и смотрел

только на тебя. Впервые мужчина, чье внимание я хотела привлечь, был околдован моей уродливой старшей сестрой. Впрочем, не будем о грустном, вернемся к событиям дней минувших. К счастью для королевства, ты почувствовала себя дурно, и помолвка осталась неоглашенной. Сомневаюсь, что кесаря даже свадьба остановила бы, но отец, по меньшей мере, не выглядел глупо.

Пыталась осознать услышанное. Понять, принять и...

— Но в Готмире Динар согласился с моей идеей, все было оговорено, и ваш брак являлся ключевой стадией задуманного!

— Да неужели, — Лора хищно прищурилась, — и ваши обжимания в тюремной камере тоже являлись следствием договоренностей?

Я покраснела, но все же попыталась объяснить:

— По возвращении в Оитлон я была помолвлена с... Аршханом, понимаешь. Идея была такова — Динар женится на тебе, я выхожу замуж за Аршхана и соответственно покидаю политическую арену.

— Кат! — это был крик разъяренной принцессы. — Кат, не смей меня. С самого начала было ясно, что между вами двумя происходит. Динар смотрел только на тебя, не замечая никого вокруг, а ты в его присутствии словно оживала! Назови мне хоть одного мужчину, которому ты позволяла открыто насмеяться над собой, хоть одного! А с Динаром это был ваш своеобразный стиль общения. Но знаешь, я еще на что-то надеялась до того вашего безобразия перед состязанием с либерийцами. Ты попросту таяла в объятиях долларийца, и ты была счастливая, как никогда. И даже твой ракард, что свел с ума всех женщин, он изначально проигрывал Динару. Рядом с айсиром Грахсовеном ты расслаблялась и была собой, а появлялся ракард, и, несмотря на влюбленный взгляд, напряжение присутствовало, Кат.

Лора помолчала, ожидая моих слов, но, не дождавшись, продолжила:

— Когда Динар был со мной, он постоянно говорил о тебе. Постоянно. О том, какая ты забавная, о том, какая ты чудесная, о том, какая ты несносная, упрямая и безголовая... «Кат, Катенок, моя Катриона»... Слово «моя» проскальзывало очень часто.

И вот тут меня заинтересовала одна деталь:

— Ты все это... выслушивала?

— Конечно, — Лориана снисходительно улыбнулась, — я слушала очень внимательно и никогда не перебивала. Мужчины, Кат, странные существа — чем дольше они рассказывают о любви, тем сильнее привязываются к той, кто умеет слушать. А я слушать умею.

Почему-то я была возмущена:

— Ты знала, что он любит меня, и в то же время пыталась влюбить Динара в себя?!

— Это был мой жених, Катриона! — Лора даже голос повысила. — Мой... а ты целовалась с моим мужчиной и с моим будущим мужем пила в богом забытой таверне! Так что не нужно мне указывать на аморальность действий, если сама далека от норм этики!

Мы помолчали.

— Я знала, почему ты не заходила во время моей болезни, — неожиданно виноватым тоном продолжила сестра, — я видела цветы и расспросила служанок. В отличие от тебя, они в сердечных делах разбираются и сразу сообразили, что произошло. Одним этим поступком ты выдала все свои чувства к айсиру Грахсовену. Но... я ничего не сказала Динару, прости...

Кажется, я сейчас придушу собственную сестру! Ладно, Динару она не сказала, но мне-

то могла сказать... что я в рыжего влюбилась...

— Не смотри на меня так, — попросила Лора, — знаешь, когда все это произошло, я осталась практически одна. Мама не всегда была рядом, отец старался меня не замечать и постоянно просил надеть капюшон, служанки просто тряслись от страха. И поползли слухи, один другого страшнее... А Динар, он, когда взял меня за руку, не отвернулся, не скривился от брезгливости и отвращения и был таким... нежным. Не осуждай меня, Кат, но я влюбилась второй раз в жизни и опять-таки в мужчину, который достался тебе.

— За всю мою жизнь на меня обратили внимание только двое, Лора, — укоризненно произнесла я, — Аршхан и... и Динар, а в твоей жизни мужчин были сотни, поклонников — тысячи! Мужчины всегда выбирали тебя, даже те, кто приходил свататься ко мне!

— Кесарь выбрал тебя, — глухо ответила Лориана, — меня он отверг с первого взгляда. Знаешь, как это больно, Кат? Меня с детства готовили для него, с самого моего рождения! Как доставить мужчине удовольствие, как говорить с мужчиной, как удерживать его интерес... И когда я вернулась, отвергнутая тем, для кого меня растили, Велерея была в ярости...

— Радуйся, что жива и живешь, — несколько резко сказала я, — кесарь не тот человек, рядом с которым безопасно находиться.

— Не безопасно, но так... волнующе...

Я поднялась. Этот разговор нужно было прекратить давно, и мне следовало собраться с мыслями и начать действовать. С чего начать, я знала — с Райхо и Свейтиса, заберу их с собой.

— Кат, — тихо позвала Лора, — хочешь, расскажу сказку?

Нервно рассмеявшись, я ответила:

— Нет, спасибо. У меня еще так много дел.

— Ее Динар придумал...

И я села в кресло, не в силах отказаться от такого.

— Жила-была принцесса, — начала Лориана, — она была очень добрая и очень хорошая, но ее заколдовала злая ведьма. Она превратила девочку в жуткое чудовище, и люди пугались, увидев принцессу. Король-отец запер ее в высокой башне, ибо было пророчество: «Приедет прекрасный принц, поцелует принцессу, и чары падут». Шли годы, принцесса, ненавидимая всеми, росла в заточении. Видя от людей только злобу и страх, принцесса стала злой и циничной. Принцы со всего света приезжали к ней, но каждый был труслив и в страхе бежал прочь... Много зла совершила принцесса, которую никто никогда не любил, но однажды ее увидел тот, кого считала врагом. Он должен был убить принцессу, но не смог. Стоял, смотрел на нее, и сердце билось чаще. Его поцелуй разрушил чары злой колдуньи Велереи...

После этих слов у меня дрогнуло сердце, наверное, я побледнела, потому что Лориана не удержала улыбку.

— Это сказка о Заколдованной принцессе, ее рассказывают на всех площадях Оитлона, ее поют менестрели, а дети с замиранием сердца слушают перед сном. Правда, данную сказку никогда не расскажут жрицы Матери Прародительницы, но тем ближе она стала народу... в отличие от твоей про «Красавицу и чудовище». Кстати, Велерея в сердцах народа и была злой колдуньей, так что Динар избрал нужные слова.

— Ты знала? — у меня просто день прозрений.

— Я догадалась, что это твоих рук дело, но... мне это было выгодно.

— Тогда зачем вторая сказка?!

— Динар, — Лора улыбнулась. — Он был в ярости, возмущался, что только просил тебя поговорить с сестрой, а не устраивать из меня культмассового поклонения. Ну а потом мы придумали эту сказку.

— «Мы»?!

— Он, — была вынуждена уточнить Лора.

— Зачем? — я не понимала мотивов.

— Потому что всеобщая ненависть тебя не радовала, — сестра насмешливо улыбнулась.

— Мне абсолютно все равно, кто и что обо мне думает! — отчеканила я.

— Да? Динар сказал, что тоже так думал, пока не увидел, как ты меняешься у орков, и добавил: то, что произошло в Даллании, тебе было неприятно. А он не сразу это понял. «Она меняется у орков, Лора, она собой становится, она как цветок раскрывается!» — вот что айсир Грахсовен мне говорил. И потому для него было так важно, чтобы отношение к тебе изменилось...

Внезапно поняла, что сейчас начну плакать, снова. Динар понял меня, понял даже то, что я сама не понимала, а Динар... И как же мне теперь жить без него, с осознанием всего случившегося?!

— Давай поговорим о кесаре, — прервала мои душевные терзания Лориана. — Динар в прошлом, а ты замужем за императором. Думай об этом и о том, чтобы быть ему хорошей женой.

Вытирая непрошенные слезы, я честно ответила:

— Ему нужна не я, Лора, ему нужна моя кровь, а точнее, дети с даром, как и Та Шерру. Я кесарю никогда не буду интересна как женщина, и потому твои знания мне не пригодятся. Но все равно спасибо — за рассказ, за сведения... которые ты предоставила мне слишком поздно, чтобы я могла хоть что-то предпринять, и за попытку передать свой опыт тоже благодарю.

Я решительно поднялась.

— Кат, — Лора задумчиво смотрела на меня, — тот факт, что кесарь всегда был к тебе равнодушен, известен многим. Но особенно от этого бесился Илери, и именно от него я узнала, что кесарь всегда следил за твоей жизнью. Всегда, Кат, с того самого момента, как в пятнадцать лет ты предстала перед его очами. И ты единственная принцесса в Прайде, чей брак мог быть заключен только с разрешения кесаря.

— Что? — я была удивлена.

— Ты меня превосходно слышала, — Лора тоже поднялась. — А теперь я расскажу то, что знаю, наверное, только я... и мне об этом сказала Велерея... Кесарь очень могущественный маг.

— О да, — я не скрывала иронии, — ты открыла мне великую тайну!

— И кесарь очень несчастный человек...

— Уже рыдаю от сочувствия! — Я пнула лежащую на полу подушку для ног. — Ты хоть понимаешь, о чем говоришь?!

И я ушла... в кабинет Динара.

Там, сидя на краешке стула, спешно писала послание рыжему. В том, что он вернется, сомнений не было, но вот когда?.. И нужно ли ему возвращаться? Но сердце напомнило его слова: «Я тебя никому не отдам, ни оркам, ни гоблинам, ни кесарям!» И на секунду мелькнула мысль: «Мы еще повоюем!» Мелькнула, чтобы тут же быть подавленной тысячами

разумных доводов. А я писала письмо Динару. О том, как ненавижу его, и о том, что, кажется, люблю... наверное, потому что... не знаю почему. О том, что никогда не прощу ему Готмира и Даллании. О том, как я благодарна ему за Готмир, но не за Далларию... О том, что все его сказки дурацкие! И о том, что он самый несносный рыжий на свете, и о том, что я прощу его не вмешиваться... Если кесарь отследил и обернул вспять мой портал, нет сомнений, что сумеет отследить и Динара, а значит... я буду верной женой.

И самое последнее: «Мог бы и сразу сказать, что любишь! А не ждать, пока я замуж за другого выйду!»

А затем я взяла два конверта, на обоих написала «айсиру Грахсовену», оба запечатала. Конверт с письмом спрятала за пояс, второй, с белым листком бумаги, собиралась использовать.

— Передашь Динару, — сказала я Лоре, которая продолжала стоять все там же у камина.

— Может, не стоит? — но запечатанное послание взяла.

— Стоит... — Я судорожно вздохнула. — Иду к отцу, нужно определиться с преемником.

— Будете выбирать мне мужа? — насмешливо спросила Лориана.

— Вероятнее всего, — честно призналась я.

Вышла в коридор, но двери прикрыла неплотно. Постояла немного, ожидая ее действий.

— Прости, Кат, — расслышала я шепот Лоры.

И постояла еще, пока не ощутила запах сожженной бумаги. Ну, предавший единожды предаст и повторно, в смысле — люди не меняются. Второй конверт я отдала Хантру. В том, что он действительно передаст письмо адресату, сомнений не было.

* * *

С отцом толкового разговора не сложилось. Король Оитлона почему-то все больше пытался расспросить о том, как там у нас с кесарем, и напрочь отказался обсуждать будущее Лорианы.

— Меня вполне устраивает предложение императора, — туманно намекнул отец.

— Он избрал супруга для Лоры? — удивленно спросила я.

— Он сообщил, что этим вопросом чуть позднее займешься ты, — король просто-таки сиял от счастья. — И, Кат, ты меня порадовала.

Я молча встала и, не прощаясь, вышла из отцовского кабинета. Мне было больно, и я была обижена на отца.

* * *

Покинув родной дом, я перенеслась не во дворец кесаря. Выстроив портал на ту самую смотровую башню, с которой мы атаковали дом Илери, долго стояла на самом верху этого примечательного сооружения и смотрела на город. Праер — столица сорока семи объединенных королевств, центр нашей цивилизации, оплот власти великого императора Араэдена... как и всегда, удивлял отсутствием каких-либо достойных внимания строений. Проще говоря, кесарь плевать хотел, пусть даже и вот с этой смотровой башни, на все свои

владения. Взять, например, ту же Хорнию и ее столицу — повсюду величественные храмы, центральные улицы восхищают своими архитектурными композициями, парки и аллеи носят имена выдающихся правителей, все как полагается. Оитлон тоже по праву может гордиться своей столицей Ирани — это древний и удивительно прекрасный город. Королевский дворец является своеобразным островом — его, как ожерелье, окружает королевская площадь, которая увеличивается перед дворцом, повторяя форму кулона. Многим строениям в Ирани более пяти сотен лет, но их берегут, реставрируют, и это жемчужины города. В общем, когда к нам прибывает очередное посольство, народу есть что показать. А тут? Отсюда, с башни, весь Праер казался сборищем глинобитных домиков, разве что квартал богатых сановников и аллея с ювелирными магазинами выглядели пристойно. И замок кесаря располагался не в центре столицы или хотя бы в черте ее, а значительно левее, практически в пустыне. Стен вокруг дворца не наблюдалось — но не существовало и глупцов, рискнувших бы напасть на нашего бессмертного. Я даже улыбнулась, представив себе остальные дворцы правителей — у всех были высоченные ограждения, в Шлезгвии их вообще аж пять, но там потомственные параноики. И у Динара вокруг замка внушительная стена, и у нас даже. А тут нет, непорядок. Надо построить. И сад вокруг дворца, и озеро... чтобы было где утопиться, когда кесарю надоем... Не о том думаю.

И я принялась за мысленное составление плана действий:

1. Затребовать архитектурный план дворца.

2. Пообщаться с градоправителем Праера — в конце концов, это наша столица, и выглядеть она должна достойно.

3. Что-то мне подсказывает, что если к собственной столице у нашего великого интерес отсутствует, то и в государстве не все ладно, так что следует заняться внутренними делами Прайды.

Забыв о собственных душевных терзаниях, я решительно открыла переход во дворец, понимая, что в ближайшие месяцы свободное время мне не светит.

* * *

«Государство — это я, я — это государство» — не помню, кто сказал, но повторяю теперь постоянно. А что мне еще остается?!

— Айсира Катриона, вы просили документы по территориальным владениям Гевины, — Илери склонился передо мной.

А все равно ненавидит, хоть и пытается это скрыть.

Та-а-ак, ну-с, и что мы тут имеем? Ага, незаконное присвоение территорий по реке Вейе... как мило, и куда кесарь только смотрел?! Зато теперь я знаю, зачем мужчине нужна жена, — чтоб скинуть на нее все проблемы и жизнью наслаждаться! Второй день замужем, но уже понимаю, что в девичестве было лучше. В смысле — обязательств меньше, да и управленческий аппарат в Оитлоне отлажен, в отличие от Прайды, чья экономическая ситуация меня откровенно ужасала.

А вот что меня откровенно радовало — так это отсутствие кесаря. Мой супруг более на пороге моей же спальни не объявлялся и вообще нигде не показывался. Это никого не удивляло, кесарь иной раз и месяцами пропадал... жаль, что всегда возвращался, мы иной раз уже начинали надеяться на лучшее, а он все равно возвращался. Бессмертный наш.

Вдруг во внутреннем дворике послышался шум... Странно, здесь обычно крайне тихо.

И тут сквозь грохот лат устремившихся к месту событий стражников я услышала гневное: «Утыррка!»

Вскочила, даже до конца не осознавая этого, и бросилась в коридор! Оттуда, расталкивая стражников и лавируя между теми, кто не замечал свою мелкую повелительницу, выбежала во двор.

Их было трое — шенге, Рхарге и еще какой-то незнакомый мне орк... но это не важно... Это все не важно! И с воплем «Шенге!» я бросилась к папе.

— Утыррка, — ласково прорычал орк, и стражников, которые были на моем пути, разбросало в стороны, а я с разбегу обняла своего мохнатого папашку.

— Шенге, — я готова была выть от радости, — Утыррка скучать... и хотеть прийти, но Утыррка нельзя ходить к шенге теперь...

Я всхлипнула и прижалась к нему крепче...

— Утыррка, глупый ребенок, — прорычал папашка. — Утыррка слышать шенге, но не слушать! Утыррка не делать, что хотеть, Утыррка следовать за долгом. Долг вести Утыррку к гибели!

— Утыррка выполнять свой долг, — прошептала я.

— Долг Утыррки — расти! — безапелляционно заявил шенге и добавил: — Утыррка идти с шенге, взрослеть, учиться магии и... ценить себя!

Та-а-ак, значит, это за мной? То есть шенге пришел за мной?

Оторвавшись от объятий мохнатого папашки, я со слезами на глазах смотрела на орка... и не могла поверить! Сказать, что его поступок перевернул весь мой мир, это не сказать ничего.

— Шенге, — я вытерла слезы, — Утыррка благодарит небо за то, что ты появился на Пути.

— Утыррка — дочь шенге, — прорычал орк, — когда Утыррке плохо, шенге тоже плохо. Шенге дал время Утыррке, но дочь не услышала слов. Шенге забирать Утыррку, пока дочь не станет взрослой!

Эмм... в двадцать лет мои ровесницы уже детей имеют, но... Я представила себе жизнь во дворце Прайды, кесаря, вызывающего оторопь, — и жизнь с шенге в охте лесного племени... Первое вызывало печаль, при мысли о втором хотелось прыгать от счастья...

— Утыррка очень хочет с шенге, — призналась я, — но тут муж... Утыррки...

— Какой именно? — устало поинтересовался шенге.

Я смущенно покраснела и ковырнула носком мрамор двора... действительно, хороший вопрос.

— Утыррка — обиженный ребенок, — папа взлохматил мои волосы, — видит игрушка — берет! Шенге видеть, как Утыррка смотреть на Аршхан, и поставить условие — брак по законам Лесного Народа. Шенге видеть, как Красное пламя смотреть на Утыррка, и поставить условие — брак по законам Лесного Народа! Утыррка — дочь шенге, никто не может взять Утыррку в охт без согласия шенге. Нет брака по законам шенге, нет мужа. Я Джашг, я все сказать!

Тишина во дворе — и я поняла, что не одна слушала шенге... Какой же он у меня потрясающий папа! Вот самый настоящий мой папа! И вот он меня кесарю ни за что не отдал бы!

Но помяни демона, он и появится!

Кесарь материализовался из воздуха, и так неудачно, что оттолкнул меня от шенге... Мой любимый папочка внимательно посмотрел на правителя Прайды и «нежно» его отодвинул. Кесарь отлетел шагов на пять, после чего прямо в воздухе принял вертикальное положение, но я к тому времени уже находилась за Рхарге — люблю орков... И очень надеюсь, что шенге сильнее кесаря... а вообще страшно.

— Ледяной свет должен уйти! — спокойно произнес орк.

Кесарь спланировал на поверхность двора, медленно направился к нам, сцепив руки за спиной. Он подошел вплотную к шенге, я невольно отметила, что они одного роста и сейчас смотрят друг на друга в упор, но отступать не желал ни один. Кесарь, тонкий, с длинными платиновыми волосами, в светло-серебристом костюме, и шенге, в котором уместилось бы четыре кесаря в ширину... но что-то мне вдруг не по себе стало! Я знала, что мой папочка всех сильнее, с ним даже Та Шерр не спорил, но про кесаря я знала то же самое!

— Ваше императорское величество, — решила я вмешаться, из-за спины Рхарге естественно, — это Джашг, мой отец...

Левая бровь кесаря взметнулась, после чего он не удержался от усмешки:

— Семейного сходства я не заметил, как и стремления твоей матери к извращениям!

Ого, какая длинная фраза... Самая длинная за всю нашу семейную жизнь.

— Джашг — мой шенге, — обиделась я, — мой второй отец...

— И? — любопытно спросил кесарь.

Надо же... какие мы разговорчивые...

— И шенге забирает Утыррку! — на ойтлонском произнес орк, удивив меня... а я язык коверкала и оркский учила!

Кесарь улыбнулся... ласково. Мне стало страшно.

Стражники попятились под прикрытие стен, предпочитая наблюдать за событиями из окон магически защищенного дворца, и мои опасения подтвердились. Кесарь продолжал стоять совершенно спокойно, даже расслабленно, а его руки все так же были небрежно сцеплены за спиной, но... я чувствовала, как все вокруг меняется... И у меня имелись серьезные сомнения в том, что шенге сильнее... очень серьезные! На моей памяти кесарь сровнял с землей одно горное княжество... там даже гор не осталось, только обломки. А уж сколько народу кесарь на тот свет отправил, даже не припомню... слишком много. И ледяной страх сжал сердце! Только не шенге! Я не прощу себе, если с ним хоть что-то случится... Что же мне делать? Если пойду просить кесаря, шенге разозлится и поступит по-своему, а если ничего не сделаю, кесарь разозлится и шенге может погибнуть... Тогда и я не смогу жить, зная, что орк погиб из-за меня, — я слишком люблю папочку... Что мне делать?!

Я подняла глаза и встретила сверкающим взглядом кесаря, причем он вновь демонстрировал удивление вздернутой левой бровью...

— Утыррка, — прорычал шенге. — Ледяной свет чувствует мысли!

О-о-о!!! А-а-а! Эм... прости, кесарь... эм...

Тонкие губы криво усмехнулись, и я поняла что... конец мне...

Так, стоп... глубокий вздох и... он все слышал? Все?! ВСЕ!!! И в спальне? И вообще?!

Рхарге удержал мое падающее в обморок тело, но кесарь добил:

— Да!

И я передумала падать в обморок. Так, ладно... мы пойдем другим путем. «О Великий Белый Дух... Тьфу ты... кесарь Араэден... О Великий Белый... опять не то...»

Я выпрямилась, с мольбой взглянула на супруга и взмолилась: «Только не шенге, пожалуйста! Я послушная буду, я все текущие дела по Альянсу на себя возьму, я...»

— Вернешься на закате, — поворачиваясь, чтобы уйти, произнес кесарь, — к оркам можешь создавать портал...

Наглость — это качество, необходимое любой принцессе, а такой, как я, особенно, посему:

— А свадьба?..

И мысленно добавила: «И вообще, я тут подумала, раз вы все знаете... разводы в Прайде — дело добровольное, и давно существующее, и...»

Кесарь мгновенно развернулся ко мне, и взгляд его был далек от добродушного.

«Нет так нет... я же не против... наверное. Но вот шенге...»

Шенге угрожающе произнес:

— Ледяной свет — не муж Утыррки!

И пространство вокруг нас засверкало. Словно ледяные искорки наполнили воздух.

А я смотрела на супруга и молила только об одном: «Не надо... не надо, пожалуйста!»

Кесарь усмехнулся, глядя на меня, и повернулся к шенге.

— Джашг живет по законам леса, у меня свои законы. Катриона Ринавиэль Уитримана моя.

Под ногами земля загудела. Нехорошо так, и дворец весь задрожал, а я поняла — это шенге.

— Утыррка уходит с шенге, — прорычал мой папка.

— Если я разрешу, — ледяным тоном напомнил кесарь.

Земля задрожала ошутимее. Мне совсем страшно стало, а шенге не боялся ничего:

— Ледяной свет — могущественный маг, но против магии Джашга бессилён!

Воздух перестал сверкать, земля перестала гудеть. Кесарь задумчиво посмотрел на меня, затем все свое внимание уделил шенге:

— Чего хочет Джашг?

Достигнув крайней степени удивления, я решила принимать происходящее как есть — все равно ничего не понимаю! Зато шенге и кесарь понимали друг друга с полуслова:

— Обряд по законам Лесного Клана, — сказал папа.

— Я в заведомом проигрыше, — без эмоций произнес властитель всей Прайды.

— Это единственное условие, — папа говорил спокойно и даже без насмешки.

— Мне проще убить тебя, — и супруг мой тоже был спокоен и тоже не шутил.

Вот они оба спокойные, а я на грани обморока!

Кесарь снова посмотрел на меня. Задумчиво и нехорошо. А потом произнес:

— Я сообщу о решении.

— Джашг сообщит время! — с достоинством ответил мой папашка.

И кесарь опять в воздухе растворился.

Шенге взял меня за руку и открыл портал. Я была довольна, и шенге — тоже. И как же здорово чувствовать себя маленькой девочкой рядом с большим и сильной папочкой, который тебя любит и защищает!

Мы вышли у восточных границ клана. Рхарге и второй орк мгновенно подпрыгнули и по деревьям помчались вперед... а мы с шенге шли и наслаждались ранним летом, окружающей природой и вообще... обожаю своего шенге, и мне так хорошо, что даже слов нет... а все же

нашлись.

— Шенге, Утыррка ничего не понимать, — призналась я, как-то по привычке перейдя на любимый оркский.

— Утыррка спрашивать, шенге давать ответ, — довольно жмурясь, сообщил орк.

Я от радости обняла его руку обеими своими и дала волю любопытству:

— Когда будет обряд?

— Шенге решать, — как-то лукаво и загадочно ответил орк.

Та-а-ак, не поняла.

— И когда шенге решит? — задумчиво спросила я.

Орк фыркнул, разом растеряв всю загадочность, и ответил:

— Когда Утыррка захотеть!

А? Я не ослышалась? Это что же получается? Это... мне решать?!

— Шенге? — удивленно выдохнула я.

Орк свободной рукой, потому как на второй висела я, опять растрепал мои волосы, но я даже была не против, и начал говорить:

— Утыррка — глупый ребенок. Чего хотеть — не знает! Кого хотеть — не знает!

Утыррка смотреть на Аршхана и терять голову, как глупый человеческий женщина!

Я покраснела как рак, которого однажды жарил Рхарге, и промолчала.

— Но Утыррка не женщина, — продолжил шенге. — Утыррка дочь Джашг, нести честь рода... Джашг принял меры...

На последнем слове орк несколько смутился, а вот мое чувство любопытства воспарило на крыльях, затмевая все остальные мысли.

— И... что сделал шенге? — спросила я.

Папа чуть сжал мою ладошку, в его лапе выглядящую как ручка ребенка, и, хитро прищурившись, ответил:

— Утыррку могут брать в невесты, но... сделать женой, матерью — нет! Никак! Пока Утыррка сама не будет готова.

Я ничего не поняла... совсем. Удивленно смотрела на шенге, и глаза мои становились все больше, ибо это был шок.

— Шенге защитил Утыррка, — с фыркающим смехом ответил папашка.

Я вытерла слезы благодарности и... вспомнила обряд с Аршханом... так вот почему он меня так спокойно отпустил?! Он знал! Знал, что я никому не достанусь, пока... А Динар?! Когда понял он?

— Шенге, — подозрения захватили меня, — а остальные как узнают?

— Маг видит портал, — шенге наблюдал за мной с хитрым прищуром, — даже Ледяной свет не смог снять.

О... нет, не так. О-о-о! А-а-а! Э-э-э... Эм...

— А если не видит? — спросила я.

— Глупый насильник попадать в охт, злой шенге учить вежливости! — уверенно ответил орк.

Я споткнулась на ровной дорожке. Остановилась, в полнейшем изумлении глядя на папашку... Осознала сказанное и...

— Шенге — лучший папа на свете! — И я бросилась обнимать волосатую шею. — Самый-самый лучший!

Орк хмыкнул, и мы пошли дальше, наслаждаясь теплым днем и пением птиц, и вообще

мне так хорошо было... хотелось петь что-то веселое, но не давал мне покоя этот вопрос:

— Шенге, скажи Утыррке, как происходит обряд?

Орк пожал плечами, что выглядело внушительно, учитывая его габариты, и ответил:

— Утыррка и Рхарге думать, шенге одобрять, — и, фыркая, рассмеялся. — Чуть-чуть менять традиции.

Я в шоке, причем в самом радостном его проявлении!

— Шенге, — я даже начала радостно подпрыгивать, — так когда это будет?

Вот тут шенге резко остановился, внимательно посмотрел на меня и прорычал:

— Когда Утыррка будет готова! Раньше — нет! Когда глупый Утыррка понять, чего хотеть! Когда Утыррка выбрать мужа сама!

— Утыррка не могла выбрать. Кесарь править, Утыррка подчиниться. Большая ответственность, шенге, очень большая.

— Ответственность Утыррки возьмет шенге. Ледяной свет сильный маг, но земля больше силы имеет. Он знает.

А я вот не знала... досадно. А папа все знает.

— Шенге самый умный папа на свете! — не скрывая восторга, сказала я.

— Мудрость приходит с годами, — ответил орк, и мы пошли дальше по тропинке.

Я напевала что-то сумасбродное и прыгала, как ребенок, а шенге хитро улыбался и держал меня за руку... И я была счастлива как никогда в жизни, понимая, что, какую бы глупость ни совершил ребенок, умный папа все исправит... мой самый настоящий папа.

* * *

Огромное овальное мрачное помещение, с темно-коричневыми занавесями на высоких окнах, полом, устланным багрово-красными коврами, столом из красного дерева и унылым кабинетом министров Прайды.

Заседания совета министров в Альясе Прайды и ранее были полны... веселых моментов, но теперь, когда во главе восседала я, вовсе стало весело. Сидя за столом председателя совета, я уныло выслушивала взбешенного айсира Илери...

Я уже неделю как сама себя назначила на данный пост, а он все никак не утомонится. Приволок уйму трактатов, в которых отыскал строку «председатель совета обязан», и на основании этого пытается доказать, что должность председателя исключительно мужская. А я уныло смотрю на него и думаю о том, как же сильно мне не хватает Динара... Он бы сейчас достал нож, потребовал у Илери предъявить печень, и лориец подавился бы собственной ядовитой слюной... Хотя лично я не отказалась бы и лицезреть его печень.

Ловлю полный сочувствия взгляд министра финансов и невольно улыбаюсь ему в ответ. Министерств в Прайде пять: финансов, военных дел, внешней политики, торговли и... безопасности. Сферы министерств торговли и финансов пересекаются, вызывая постоянные споры, посему я вообще планировала их совместить, но это в будущем... дня через три... А Илери продолжал:

— ...Верх безумия! — лориец, как и всегда, был против.

— А это уж мне решать, — меланхолично слежу за развитием событий.

— Но позвольте, — начал айсир Илери.

— Не позволю, — решила поиздеваться я.

— Но... вы издеваетесь?! — осознал Илери.

— Можно сказать и так, — я пробежала взглядом по стопке документов.

Справа лежали одобренные айсиром, слева те, что он посчитал бредом... бредовая папка оказалась раза в четыре больше одобренной. И все бы ничего, но и я не первый день живу, и все мною предложенное имело под собой проверку в течение пяти лет на территории Оитлона.

— Хорошо, — я постаралась заставить себя выслушать его предложения, — что именно вас не устраивает в... — взяла первый документ из папки, — во внесении изменений в земельное законодательство?

Я вообще пыталась быть милой, но... не простил он мне тот факт, что заседала я сейчас на его законном месте... без разрешения кесаря, который вообще неделю пропадал неизвестно где. Однако, несмотря на отсутствие супруга, портал в Далларию у меня все равно не открывался...

— Это бред сумасшедшей девицы! — плевался Илери. — Вы разграбите казну!

Я тяжело вздохнула... потом еще раз, потом попыталась объяснить свою позицию:

— Айсир Илери, я все же считаю, что дать крестьянам пять лет безналогового ведения хозяйства при условии, что они начнут распашку пустующих земель в устье реки Верда, это целесообразно. Сейчас никто из земледельцев не рискует вкладывать деньги в данную территорию, и да, временно Прайда не будет получать выплаты налогов от данной ничтожной части крестьян, но через пять лет наши затраты многократно окупят себя и...

— Через пять лет, — Илери нагнулся ко мне, игнорируя открытое возмущение министров, — тебя здесь не будет, утырка сопливая!

Мое добродушное настроение испарилось мгновенно. Я медленно подняла голову, посмотрев в глаза обнаглевшего айсира, и... ласково улыбнулась.

А мне понравился эффект, и его побледневшая рожа тоже.

— Через пять дней, — я все еще ласково улыбалась, — вы будете возглавлять одно из крестьянских семейств, стремящихся освоить новые территории!

Все замерли! Я и сама была в ужасе от сказанного... это до какой же степени я понизила любимца кесаря... и что мне за это будет?

Айсир Илери в лице изменился. Не будь у него собраны волосы, явно бы зашевелились от ужаса и ярости...

— Я лично оповещу императора, что его... супруга слишком много о себе возомнила! — прошипел Илери и вылетел из зала совета.

Министры посмотрели на меня с сочувствием — они, умудренные жизненным опытом, меня любили... причем давно. Министр финансов Гверд и вовсе был моим учителем по экономике каждый раз, как я сюда ранее приезжала.

— Пожалуй, — я устало поднялась, — пойду... поговорю с супругом... если найду.

Меня провожали молча, но меня не радовало даже откровенное сочувствие министров... Выйдя на двор, я медленно, как осужденный на казнь, последовала за горделиво шествующим Илери... И что сейчас будет? Ну, в крайнем случае сбегу к шенге, но и папочку подставлять не хочется, особенно там, где сама виновата. Это надо же было додуматься сказать такое!

Я вышла во двор следом за лорийцем, и мне вдруг стало очень интересно, а где Илери будет кесаря искать? Пока я об этом думала, айсир направился к высокой конусообразной башне. Хм, а я не знала, где супруг время проводит, да и не интересовалась этим, если

говорить откровенно. И даже не желала интересоваться... На рассвете я переносилась к шенге, и он учил меня магии. А когда солнце было в зените, возвращалась и вела государственные дела Прайды... дел было много. Ужинала с придворными в общем зале, а кесарь там и раньше не появлялся, ну а после прослушивания досужих сплетен, коих было немало, я отправлялась спать... без кесаря, и сам он не приходил. И так все истекшие дни. В общем, меня такая семейная жизнь вполне устраивала, и даже более чем устраивала, но тут, как и всегда, все испортил Илери.

Кабинет великого правителя Альянса Прайды располагался в башне, в западном крыле дворца, посему по двору пройти было удобнее. Илери вбежал в башню первым, я потащила следом. Вошла, уныло взглянула на лестницу, но делать было нечего. Где-то на сотой ступеньке начала задыхаться и уже только слышала далекое бурчание айсира, но, в общем... тащила следом. Обидно! Хотя должна признать, у кесаря весьма удачное расположение кабинета — эдак любой проситель издохнет на середине пути или о просьбе забудет... Эх, вытирая пот со лба, иду дальше.

До верха оставалось ступенек пятьдесят, когда сил подниматься уже не было, и я устало присела на подоконник одного из небольших башенных окошек... Я все понимаю, но... не желал бы мой супруг находиться поближе к земле?! Дыхание вырывалось уже со свистом... да, не приспособлена я к таким лестницам.

Наверху раздался осторожный стук в дверь, ее же, судя по скрипу, и открыли, после чего послышались усталый голос кесаря и полный праведного гнева глас Илери... Все, кажется пора бежать во дворик и открывать портал к шенге...

Голос лорийца нарастал как снежный ком в горах, грозясь снести меня лавиной мрачных эпитетов, но тут... кесарь сказал всего одно предложение, однако я его отчетливо расслышала:

— Пусть забавляется... меньше к оркам будет бегать.

Илери не сдался, но говорил теперь в разы тише и, видимо, перешел к аргументам и разумным доводам.

— Где она? — а голос у кесаря совсем усталый.

— Идет следом... — гордо ответил Илери...

И я услышала торопливые шаги.

Узнать бы, чьи?

Оказалось, ко мне собственной персоной спускается супруг...

— Он сам виноват, — начала поспешно ябедничать я, — он меня вообще оскорбил прилюдно...

Кесарь остановился, начал идти медленнее, но все же целенаправленно спускался ко мне. А вот вместо гневного «Я убью тебя!» послышалось:

— Встань, простынешь!

Я была поражена настолько, что даже не шевельнулась...

Как замороженная смотрела в его сверкающие глаза и... и продолжала сидеть...

— Катриона, — кесарь подошел совсем близко, взял за предплечье и практически сам поднял, — что такого непонятного я сказал, что ты и не подумала выполнить?

Да как бы... мыслей вообще не было, вот и не подумала... Ох, он же мысли то ли чувствует, то ли читает...

— Второе, — вежливо пояснил кесарь.

Как весело тут жить... Так весело, что ежедневно растет желание пойти и покормить

рыбок на дне озера...

— Не лучшая идея, — он улыбнулся.

Это да, его еще не докопали до нужной глубины... О чем я думаю?!

— Вопрос, — не сдержалась я, — в спальне... после свадьбы вы тоже все прочитали?

— Про Белого Духа было забавно, — кесарь продолжал загадочно улыбаться, — и предположение про испытание крови также. Про первую брачную ночь с рыжим — не впечатлило.

Я покраснела, устало посмотрела на лестницу, подумала, что еще и спуск обратно предстоит.

— На будущее, — кесарь взял мою ладонь, оцарапал кольцом и позволил каплям крови упасть на ступени, — для тех, кому я позволяю, путь в десять раз короче.

Сообщил мой... супруг и притянул пораненную ладонь к губам.

Только не думать... ни о чем сейчас не думать... Но приятно, тут не поспоришь... и губы нежные такие... если бы еще не посматривал с таким исследовательским видом... и не улыбался...

— Ты невозможна! — смеясь, заметил кесарь. — Но очаровательна!

Осторожно забираю свою ладонь и думаю... исключительно о красотах Готмира... о Готмире, а не о рыжем... Невольно вспомнились муравьи... так, я не о том думаю... И наш поцелуй в той грязной таверне... и тепло его рук, когда обнимал, и... Невольно вспомнился поцелуй с Аршханом на поляне, когда мы оживили стражников. О чем я думаю, а?! А вот интересно, кто из них целуется лучше?

— Разрешу твои сомнения, — внезапно прошептал кесарь и...

Сверкающие глаза оказались совсем близко, а его губы... накрыли мои... Это было так странно, неожиданно... волнующе... И его прикосновения... легкие, дразнящие, вынуждающие приоткрыть губы, чтобы в ту же секунду этим воспользоваться, и то, что он делал... Я постанывала, уже когда кесарь игриво ласкал мои губы, но, едва проник глубже, смешивая мое дыхание со своим, мой стон отразился от стен, исчезая эхом в переходах...

И все прекратилось.

Я, обиженно и возмущенно простонав, потянулась за новой порцией весьма любопытных ощущений, но, видимо, кесарь решил, что сладенького на сегодня достаточно.

— Именно, — подтвердил он мою догадку.

Тяжело вздохнула, открыла глаза и заметила:

— Ветка первенства ваша по праву, но... должна заметить, что остальные претенденты проявляли больше... усердия. А опыт вполне можно заменить энтузиазмом.

Вот! Сказала! Причем сказала то, что думаю!

— Я заметил.

Под его насмешливым взглядом мгновенно отступила обратно к окну, обиженно поинтересовалась:

— Я... могу идти?

— Не держу, — кесарь вновь стал немногословным.

Кивнув, я начала спускаться, но остановилась уже на третьей ступеньке и, не оборачиваясь, поинтересовалась:

— А Илери?

Тихий смех и спокойное:

— Его прекрасная жена давно желала место поспокойнее... моей постели. Природа

необработанных земель придется ей по вкусу.

Я не ослышалась?! Он поддержал мое решение? Я точно это слышала?! Поверить не могу.

— Почему? — любопытствовал кесарь.

Развернувшись, я посмотрела на своего мужа, который вольготно устроился на ступеньке и совсем не переживал, что может простыть.

— Не могу, — улыбаясь, ответил великий Араэден.

— Простыть? — уточнила я.

— Да.

Судя по хитрой усмешке, наш диалог в несколько неподходящем месте его ничуть не смущал, более того, явно радовал. Я набралась смелости и уже собиралась спросить, но он опередил меня:

— Мое государство в твоём полном распоряжении.

Ого! То есть все государство, и даже перестановки в правительственном аппарате, и ремонт во дворце, и...

— И все, что пожелаешь.

Он широко улыбнулся, и я только сейчас заметила, что некоторые из зубов у императора более острые... это которые клыки — и верхние и нижние... ой...

— Я Светлый, — кесарь продолжал с улыбкой смотреть на меня, — эллар.

Кто? Ледяной свет — это элементарь или...

— Или, — судя по ухмылке, его это весьма забавляло. — Все еще считаешь, что мне пора к земле привыкать?

Запомнил...

— Такое сложно забыть, — великий поднялся, — чтобы спуститься быстрее, прикоснись ладонью к стене. Магия крови сократит путь для тебя.

Но у меня был еще один вопрос, который я очень хотела задать, и сейчас... может, опять сам ответит? Стоит, молчит и улыбается... вот сво... хороший кесарь.

Рассмеялся, но продолжает следить... Спросить или нет?

— Спрашивай, — милостиво разрешил император.

— Но вы уже поняли вопрос? — решила поупорствовать я.

— Мне любопытно, в каком контексте ты его задашь, — кое-кто явно издевается надо мной.

Ладно, будем откровенны до конца:

— А зачем я вам? — и выпалила это на одном дыхании.

Кесарь медленно сделал шаг и спустился на одну ступеньку, затем еще на одну и так, пока не подошел ко мне... а мне страшно, между прочим.

— Не бойся, — странные глаза, казалось, начали сверкать еще ярче, — хотя должен признать, ты удивительно хладнокровна для двадцатилетней девушки, Катриона, — прошептал кесарь и вновь начал склоняться к моим губам...

Э-э-э, хватит! И я, положив ладони на его грудь, постаралась предотвратить очередное помутнение рассудка.

— И все же зачем? — любопытство во мне неубиваемо, это я давно поняла. — Вы знаете меня на протяжении пяти лет, вы много раз скользили по мне равнодушным взглядом, и вдруг столь неожиданное решение и молниеносное его воплощение, но я не вижу смысла.

Тонкие пальцы коснулись моего лица, словно пытаюсь запомнить каждую черту.

Сверкающие глаза смотрели с задумчивой грустью, а затем кесарь произнес:

— Идем, расскажу тебе о вашем мире.

И, взяв меня за руку, повел наверх.

Мы прошли мимо бледного и подавленного Илери, и только тогда я переспросила:

— А почему вы сказали «о вашем»?

— Это не мой мир, Катриона, — не скрывая печали, ответил кесарь.

Когда поднялись в кабинет императора, я все еще размышляла об этом: «Это не мой мир», интересно, а чей тогда? Ответ пришел сам — мой! Это мой мир и мое государство и... мне нравилось править в Прайде, скрывать это от себя самой было бы глупо.

Кесарь перехватил и эти мысли:

— Мне следовало взять тебя в жены раньше, — он пропустил в кабинет первой, — в этом случае я освободил бы массу времени для себя.

Здесь было... необычно. Белые стены, серебристый пол, окна в виде восьмиконечных звезд, и свет, проходящий сквозь них, наполняющий странное помещение доверху. Здесь хотелось петь и смеяться, словно... свет пьянил.

И мне это не нравилось!

Ощущение ужаса, дикого и панического, как тогда, на Вишневом острове.

— Ты была на острове Мейлины?

Вопрос отрезвил однозначно. Постаравшись выбросить все мысли из головы, я сконцентрировалась на настоящем. И вновь испугалась своих ощущений. Здесь была смерть. Многократная, многолетняя, подпитываемая кровью смерть!

Шаг назад — и я ощутила спиной кесаря... Он преградил путь, а я хотела сбежать и больше никогда не видеть этой наполненной странным светом комнаты... С овальным низким серебряным столиком посередине, где я чувствовала кровь! И столик этот был на восьми ножках, а по краю его пролегали желобки, образуя странный рисунок... и я видела подобный — в маленькой комнатке Лорианы, на том самом серебряном алтаре! И уже не осталось сомнений, что кесарь был причастен к колдовству Велереи!

— Отпустите меня, — взмолилась я, — прошу вас...

— Катриона, — нежные ладони с длинными пальцами легли на плечи, — что тебя пугает?

Вы... и кровь! Здесь чисто и светло, удивительно, завораживающе прекрасно, но я чувствую... Кровь! Смерть! Боль! Мне плохо...

— Отпустите меня! — мой крик стал хрипом.

Развернув лицом к себе, кесарь пристально вглядывался в мои испуганные глаза, он словно читал меня, как книгу, и уверенно произнес:

— Я не причиню тебе вреда, Катриона!

Не верю!

Не верила с того момента, как он произнес эти жуткие слова: «Согласитесь ли вы стать моей женой?», зная, что я никогда не посмею ответить отказом!

— Катриона...

Просто отпустите меня сейчас... Мне здесь плохо!

Кесарь иронично улыбнулся, его глаза сверкали, как и всё в этом странном помещении, а в следующее мгновение я была подхвачена сильными руками, и супруг отнес меня к письменному столу у окна, сел на кресло, усадил к себе на колени и, перебирая пальцами

мои волосы, улыбаясь, произнес:

— Забавно, но только сейчас я начинаю понимать, почему держал тебя на расстоянии столько лет.

Все еще дрожа от ужаса, с удивлением проследила за тем, как маска холодной отчужденности на лице кесаря сменилась каким-то мечтательным выражением. И о чем мы сейчас мечтаем, интересно?! Учитывая пристрастия императора, явно о моей мучительной смерти.

— Нет, не угадала, — он рассмеялся, чуть откинув голову назад, затем поинтересовался: — Неужели я настолько страшен, Катриона?

— А вы в этом сомневаетесь?! — возмущенно поинтересовалась я, откровенно говоря, напуганная этим смехом.

Просто никогда ранее не допускал подобного проявления эмоций наш жестокий повелитель. Я и смех его впервые услышала в нашу первую брачную ночь.

Его улыбка стала очень загадочной, после чего, пристально глядя на меня, кесарь насмешливо произнес:

— Это лишь страх, испуганная моя. Он пройдет. И тогда ты сумеешь увидеть во мне нечто большее, чем своего жестокого и властного повелителя.

— Своего очень-очень жестокого супруга? — предположила я.

Усмехнувшись, кесарь ответил:

— Мужчину.

Это к чему было сказано? Я, между прочим, и сейчас даже мысли не допускаю, что он женщина!

Хохот кесаря повторно потряс своды данного немаленького помещения. Вежливо промолчала, чувствуя себя крайне некомфортно.

— Катриона... — загадочно протянул утомившийся супруг, — ты невыносима.

«Меня носить и не нужно, меня желательно просто отпустить, и я сама уйду!»

Вслух я, конечно, ничего не сказала, но тут же вспомнила, что кесарю вслух и не надо, он и так все слышит.

— Вы собирались мне что-то рассказать, — напомнила я, очень неуютно ощущая себя, собственно, на венценосном супруге.

Кесарь кивнул, устремив взор куда-то вдаль, словно смотрел сквозь стены, и произнес:

— В своей столь длинной по вашим меркам жизни я любил лишь раз...

Удивленно взираю на супруга, и как-то совершенно случайно вспомнились слова Динара: «Утырка, тебе больше не с кем обсудить эти розовые сопля?!» Кажется, кесарю их тоже обсуждать не с кем... вот и женился.

Император улыбнулся, сверкнув клыками, и продолжил:

— Она так не похожа на тебя... Элиэ — прекраснейшая из светлых... Элиэ... В ее глазах отражалось небо... Элиэ... когда она смеялась, мир смеялся вместе с ней! Элиэ... девочка, которая от рождения принадлежала другому... — и на красивом лице вновь скептическая ухмылка. — В сравнении с ней — ты уродлива до безобразия.

Не сомневалась даже! Я в сравнении со многими уродлива до безобразия, и ничего, живу как-то! Процветаю даже... временами. Когда замуж не выхожу.

Император рассмеялся, несомненно, считав и эти мысли, прикоснулся к моим волосам, пропустил черную прядь между пальцами и задумчиво произнес:

— В тебе столько жизненной силы, Кари. Знаешь, — его пальцы неспешно

переместились на мое лицо, начали осторожно обрисовывать губы, — глядя на тебя, я начинал чувствовать себя иначе... И я так долго не мог осознать почему.

Нервно сглотнув, я поинтересовалась:

— Вам для понимания я обязательно нужна? Или мне уже можно идти? Дел много, знаете ли!

Кесарь вновь рассмеялся, взяв мою руку, поднес к губам, ласково поцеловал все еще дрожащие пальчики и произнес:

— Тебе не нужна магия, Катриона, тебе с лихвой хватает упорства в стремлении достичь цели. Эта жизненная сила пульсирует в тебе с рождения, и ты как сама жизнь — яркая, восхитительная, страстная, изменчивая, упорная, непостижимая и понятная, приземленная и возвышенная, сильная и слабая, логичная и нелогичная одновременно. И это притягивает, нежная моя. Безумно, бесконечно, неудержимо. Теперь понимаешь, для чего нужна мне?

Я все понимала. Красивые слова, но суть та же, что выразил и Та Шерр. Подумала и произнесла, не скрывая насмешки над ситуацией:

— Попробую предположить: холодный расчет и возможность иметь потомство с магией в крови?

Великий Араэден удивленно посмотрел на меня и, словно размышляя вслух:

— Дети? Меньше всего я думал о детях... хотя... Мне нравится эта идея. Не сейчас и не в этом мире, но, нежная моя, ты подаришь мне наше продолжение.

Да неужели?! Меня бы кто спросил, желаю ли я рожать ваше продолжение!

— А зачем? — он рассмеялся. — Какой в этом смысл, Катриона? Твое желание или нежелание не играет никакой роли. — Величественным жестом кесарь указал на столик посреди своего кабинета и вкрадчиво спросил: — Узнаешь? Ты уже видела такое, не правда ли?

Я вздрогнула, и на сей раз скорее от отвращения. Многое, слишком многое обретало ясность и становилось понятным. Слишком многое...

— Бабушка Велерея, — глухо произнесла я...

— Была моей любовницей, достаточно неплохой, — кесарь насмешливо следил за выражением моего лица. — Стервозная особа желала сохранить красоту и молодость. Я научил как.

С содроганием вспомнился мне портрет бабушкиной сестры, что стала уродом и умерла столь рано.

— Да, алтарь действовал именно так, — подтвердил кесарь. — В дальнейшем Велерея вышла замуж, пообещав родить дочь.

— Которую планировала отдать вам? — несмотря на мерзость ситуации, сейчас, когда мозаика начала склеиваться, я вдруг испытала тот азарт, который охватывал, стоило распутать очередную интригу многочисленных противников.

— Мне нравится твой настрой, — похвалил Араэден. — Да, Велерея обещала мне дочь... но родила сына. Единственного. — Кесарь усмехнулся. — А ее сын Ароиль даже не подозревал, как сильно испортил жизнь матушке, взяв в жены Ринавиэль из рода Уитримана, ту, что одним лишь своим присутствием невольно блокировала всю магию Велереи.

— Там обе стороны были против, — почему-то сказала я.

— Да, я помню... старческим слабоумием не страдаю, — поддел меня император, намекнув, что никто не забыт, ничто не забыто. И задумчиво продолжил: — Любовь твоих родителей была неудобна как Оитлону, так и Нордвану. Ароиль и Ринавиэль сбежали,

несколько месяцев скрывались, а по возвращении в Оитлон обнародовали факт беременности твоей матушки. Велерея умоляла меня вмешаться, и я прибыл во дворец Ирани... Каково же было мое удивление, когда стало ясно, что Ринавиэль, единственная из дочерей твоего деда, обладает магией жизни. Удивительное, невероятное и в то же время печальное открытие — Ароиль был первым, а я упустил такую женщину. Но вторую обладательницу магических способностей упускать не собирался — это была ты, Кат. Уже тогда я знал пол будущего ребенка, и мое вмешательство позволило узаконить брак твоих родителей.

Представила себе маму с животиком и плотоядно взирающего на оную окружность кесаря. Не выдержала — рассмеялась... и мгновенно прекратила смеяться. Не о том думаю! Привычно взяв себя в руки, постаралась больше не улыбаться... хотя нарисованная воображением картинка однозначно веселила...

— Ладно, — делаю строгое лицо. — Хорошо. Мне все понятно... что радует. Хотя это единственный положительный момент в данной ситуации. А дальше?

— Ты родилась, — кесарь иронично усмехнулся и провел пальцами по моему лицу. — Но... ты была далека от идеала. Черные волосы... черные глаза...

— «Какая издевка судьбы. Какая жестокая насмешка!» — произнесла я его собственные слова, те самые, что услышала, впервые удостоившись высочайшей аудиенции.

— Судьба действительно посмеялась надо мной... спустя пятнадцать лет после твоего рождения, — неожиданно жестко произнес император.

Меня поразило тон, с которым это было сказано. Удивленно посмотрела на супруга, тот ответил насмешливой улыбкой и продолжил:

— Можно сказать, что я сильно ошибся в тот день. По сути, это и было моим величайшим просчетом, но в результате все сложилось наилучшим образом. Впрочем, это произошло значительно позже, а тогда я сделал ставку на вторую дочь. Немного магии крови, и родилась та, что взяла лучшее от обоих родителей — Лориана. Идеальная, белокурая и зеленоглазая... но, — кесарь усмехнулся, — абсолютно лишённая магии. Однако был шанс все исправить, и Велерея повторно активировала алтарь, на сей раз планировалось, что твои зачатки силы перейдут в Лориану.

— Невероятно, — задумчиво прошептала я, осознавая весь масштаб сотворенного одним бессмертным кесарем и одной полоумной бабкой! — А я? — вскинув подбородок, посмотрела на Араэдена. — Как же я?

— Ты, — император улыбнулся и вновь прикоснулся пальцами к моим волосам, — ты изначально нужна была мне. Именно поэтому сразу после рождения ты стала отвратительна даже собственной матери.

Я задохнулась от возмущения! Не было сил ответить, потому как я даже в состоянии безудержного, а главное, вполне оправданного гнева, понимала — кесарю закон не писан!

— Утырка, отродье, уродина, чудовище, — насмешливо произнес Араэден, пристально следя за бурей мыслей и эмоций, отражающихся на моем лице. — Было бесконечно любопытно наблюдать за тем, как ты росла среди всеобщей ненависти и презрения.

— Зачем?! — меня трясло от едва сдерживаемого гнева. — Зачем вы так поступили со мной?!

В ответ спокойная улыбка.

— Катриона, — царственная усмешка стала шире, вновь обнажив клыки, — я желал, чтобы ты выросла в той же атмосфере, которая в свое время сопутствовала моему

взрослению.

И вот теперь я опять ничего не понимаю.

— Да, — кесарь усмехнулся, — меня с рождения ненавидели и боялись, опасались и не любили, страшились и презирали. И я создал такие же условия для тебя. Получилось?

— Несомненно! — прошипела взбешенная я.

— Напротив! — голос императора внезапно стал жестким. — Ты разрушила все, что я упорно пытался создать: Лориана, столь прекрасная и восхитительная, оказалась пустышкой! Я ждал иного, я искренне надеялся, что твоя мать, воспитанная последним магом жизни, воспитает столь же чудестную дочь. Но избалованная Лора не подходила ни для исполнения пророчества, ни для моей постели, ни для ритуала, так как магия в ней отсутствовала. Разочарование, Катриона, очередное разочарование. Я понял, что все пошло не по плану с младшей из рода Астаримана, и приказал Ароиллю представить старшую дочь...

— Снова разочарование? — предположила я.

— Хуже, — печально ответил кесарь. — Несмотря на всеобщую ненависть, ты была слишком доброй, отвратительно отзывчивой, у тебя даже появились друзья, пусть всего трое — няня, министр Авер и повар Кинтар, но все же.

И вдруг сказанное обрело ясность — меня с самого начала оградили от матери, чтобы воспитывала не она?

— Да, — спокойно подтвердил кесарь. — Мне не нужна была милая принцесса.

— Да?! — я в ярости схватила листок со стола и начала разрывать его на мелкие клочки. — А кто же вам требовался? Злое, эгоистичное, жестокое, ненавидящее весь мир отродье?

Император рассмеялся, громко и язвительно. Затем кивнул и даже подтвердил:

— Совершенно верно.

Каково это — в двадцать лет узнать, что ты никакая не всесильная и обладающая властью наследница Оитлона, а всего лишь игрушка одного не в меру могущественного кесаря?! Гадко это! Гадко, мерзко и страшно! Я в ужасе взирала на императора Араэдена и просто не желала верить в очевидное... Это же я! Я, Катриона Ринавиэль Уитримана, способная выжить везде и в любых условиях! Это я, правящая железной рукой процветающим Оитлоном, а отныне и Прайдой! Это я... я... всего лишь игрушка... просто его игрушка...

— Поверить не могу, — простонала я.

Кесарь продолжал играть с моими волосами, пропуская пряди между пальцами, и почему-то грустно произнес:

— Я тоже. До сих пор не могу поверить. Должен признать, нежная моя, увидев тебя, я осознал крайне неприятное — на отведенную роль ты не годишься совершенно. — И как-то совсем печально кесарь добавил: — Впрочем, и принять тот факт, что пророчество имеет реальный шанс исполниться, я также не смог... не сумел... не пожелал в тот миг.

— И вы швырнули меня в стремнину политических игр! — догадка пришла внезапно.

— Именно, Катриона, — кесарь загадочно улыбнулся. — Именно так...

— Зачем? — в очередной раз спросила я.

Император вновь рассмеялся. Его смех, негромкий и издевательский, становился все громче... Вот только появилось ощущение, что насмеялся Араэден скорее над... собой. И хохот стих, а странные, подобные кристаллам глаза чуть сузились, пристально взирая на меня.

— Я устал от одиночества, Катриона... — глухим, столь незнакомым мне голосом произнес кесарь.

Некоторое время напряженно ждала продолжения, но Араэден молчал, опять глядя куда-то сквозь стены, хотя и продолжал удерживать меня. О чем размышлял мой венценосный супруг в это время? Я не знаю. Я просто старалась не думать. Не думать, не думать, не думать... Не допускать ни единой мысли!

— У тебя это хорошо получается, — отозвался кесарь.

— Мне бы хотелось узнать еще кое-что...

Скептическая усмешка императора Араэдена была плохим утешением, зато явным намеком.

— Не здесь и не сейчас? — догадалась я.

— Именно, нежная моя.

А мне вдруг вспомнился разговор с Динаром и его возмущение по поводу того, что наш бессмертный делал мне подарки, причем каждый раз это были весьма полезные дары.

— Каждый раз это была еще и проверка, — кесарь вернулся к поигрыванию моим локоном. — И ты разочаровала меня лишь раз.

— С собакой?

— Именно.

— Но она же была магическая, — возмутилась я. — Поэтому я и обратилась к магам.

— Следовало думать головой, а ты поддалась страху наказания, страхась моего гнева.

Не думать, не думать, не думать... Делать выводы я буду потом, позже... значительно позже... В тишине и одиночестве.

— Наивная моя, — кесарь потянулся и легко поцеловал локон, с которым поигрывали его длинные пальцы, — я скажу лишь раз, Кари Онеиро, и постарайся запомнить...

— Кто? — невольно перебила я.

— Ты, — раздраженно пояснил кесарь. — Кари Онеиро.

— В каком смысле?

Он усмехнулся в ответ, и стало ясно — смысл останется максимально скрытым в тумане.

— Хорошо, но что означает это ваше «Кариэонеириэ»?

— Кари Онеиро, — поправил император. — Черная Звезда.

— Это значение?

— Дословный перевод.

Невольно задумалась над именем Катриона... Других Катрион во всей Прайде не имелось, что наталкивало на размышления. Вспомнила, что лучше не думать... компания неподходящая.

— Так что я должна запомнить? — вежливо интересуюсь у кесаря.

Араэден как-то недобро глядел на меня и все же ответил предельно лаконично:

— В Рассветном мире для меня нет тайн.

— Это похвально!

Мне хотелось уйти, и вообще имелась объективная необходимость пойти все обдумать. И срочно. Попыталась встать повторно, но мне этого вновь не позволили.

— Ты не поняла, да, наивная моя? — спросил кесарь.

— Да! — решительно согласилась я. — И мне требуется время на обдумывание, посему отпустите меня, пожалуйста!

— Не поняла-а-а... — протянул кесарь.

— Я все поняла! — угрюмо сообщаю супругу. — Но мне следовало бы осознать раньше, почему все вокруг убеждены в том, что император мне благоволит. Или почему я получаю бесценные по своему значению дары, в то время как о днях рождения остальных подданных вы и не вспоминаете. Мне следовало бы о многом задуматься ранее, но... — Я нервно прикусила губу, пытаюсь успокоиться. — Но понимание происходящего ничего не изменило бы, так?

Величественный кивок кесаря подтвердил мои худшие предположения.

— И остается вопрос: какую роль в ваших грандиозных планах предстоит сыграть мне? — Да, я все же произнесла это.

— Жены, — спокойно ответил Араэден.

— Жены? — переспросила я. — Невероятно! То есть с самого начала?..

— Еще до твоего рождения, — с усмешкой напомнил он.

Не думать... Не получается... К гоблинам! Я уже собиралась высказать все, что я по этому поводу думаю, как кесарь улыбнулся... ласково... Вся моя ярость и бравада испарились в мгновение. Перед глазами пронеслись пейзажи уничтоженного Мирата, казни неугодных кесарю... пытки тех, кто посмел ослушаться даже в малейшем.

— Мне, наверное, пора, — я попыталась встать.

Нужно уходить, и срочно, пока меня тут не препарировали за излишнюю разговорчивость и вольнодумство. А потом подальше от дворца, как можно дальше!

Взгляд императора стал задумчивым... И кто меня просил высказываться? И ведь знаю, прекрасно знаю, что с кесарем лучше молчать и во всем соглашаться, а иначе...

— И ты еще смеешь осуждать меня за жестокость? — супруг совсем уж ласково улыбнулся... — Можешь идти. Как я уже сказал, все внутренние дела Прайды на тебе. Развлекайся. Но, нежная моя, ограничим собственно пределы твоих развлечений.

Резкое движение — и стальные пальцы обхватили затылок, заставляя прижаться губами к его губам. И на сей раз приятные и волнующие ощущения несли в себе оттенок какой-то горечи и утраты. Я физически чувствовала, что теряю что-то... что-то важное и нужное, и от слабости вдруг закружилась голова.

Все прекратилось в то же мгновение.

— Перестарался, — сверкающие глаза супруга пристально изучали мое явно побледневшее лицо. — Придется исправить.

Блеск странных глаз императора вдруг стал каким-то завораживающим, и, по мере того как кесарь приближался к моему лицу, сердце начинало биться все медленнее... Чтобы замереть, едва его губы вновь коснулись моих. Легко, едва ощутимо, затем страстно, почти обжигая... Я же абсолютно перестала понимать происходящее, и только жуткий, леденящий душу страх все усиливался, и безумно хотелось закричать от ужаса, а еще позвать на помощь почему-то Динара.

Император замер. Затем медленно отстранился, неотрывно глядя в мои глаза. И почему-то мне казалось, что он очень зол, хотя, по сути, злиться должна была я.

— Ступай, — ледяным тоном приказал кесарь, отпуская меня.

Мой нервный реверанс — и я покидаю странный кабинет, стараясь не смотреть на стол, стараясь не думать о произошедшем, стараясь не думать о будущем! И я размышляю только о том, как сообщу об объединении министерств и... спущусь по этой лестнице.

— Ладонь к стене! — прозвучал злой голос кесаря, и дверь за моей спиной

захлопнулась.

Дрожащей рукой я прикоснулась к каменной кладке и с удивлением отметила, как сократился путь. Лестница ранее являлась винтовой, а сейчас стала прямая и даже была видна дверь в конце... Ради подобного можно было и кровью пожертвовать.

Сбежав по ступеням, остановилась на залитом солнечными лучами дворе, чувствуя, как все быстрее бьется сердце, как отпускает страх, ледяной рукой сжимающий душу, ощущая какую-то странную пустоту. Странную и непонятную. Поддавшись порыву, вскинула руку, призывая ветер... он отозвался слабым дуновением, которое я не смогла контролировать. Сдерживая растущую панику, попыталась сплести защиту... и ничего! Хотя еще утром, еще только утром эта магия слушалась меня, как ручной пес! Что происходит?

— Айсира Катриона, — айсир Хайто окликнул меня от входных дверей.

Я в этот миг все еще пыталась понять, что произошло! И поняла! Со всей неприглядной очевидностью поняла — кесарь! Моя потеря магии была связана именно с ним, это я интуитивно ощущала. Блокировал же он мои порталы, что могло помешать ему блокировать мою магию? И этот странный поцелуй... Вот тебе и ответ, Катриона Ринавиэль Уитримана. С другой стороны... нужно будет обсудить произошедшее с шенге. И обдумать все услышанное!

— Айсира Катриона, — вновь попытался привлечь мое внимание Хайто.

А я стояла посреди внутреннего двора императорского дворца, закрыв глаза и пытаюсь сдержать эмоции. Больно, гадко, мерзко и жутко после всего услышанного. Как принять то, что осознать так сложно... Игрушка императора... Всего лишь игрушка императора, вот кто я... Разве что в ваших мечтах, мой кесарь! Потому что я — это я! Неважно, у кого и какие на меня планы, я все равно останусь собой. Потому что я Катриона Ринавиэль Уитримана, правительница всей Прайды и сопредельных государств! Кстати, вот как раз за статус правительницы Альянса Прайды я была кесарю благодарна... где-то в глубине души, очень-очень глубоко.

Но сейчас за работу, и будем изображать покорность безвольной игрушки... пока! Потому что это мой мир и мое государство, а кесарь... он просто еще не знает, с кем связался! И не узнает... пока! Пока я не выясню о нем все, что только возможно.

* * *

В зале совета министров меня ждало послание повелителя, которое, как и все послания императора в пределах дворца, возникло в воздухе и медленно спланировало на стол. В нем было сказано, что я являюсь главой государства и вообще муж и жена — это единое целое, следовательно... делайте выводы, господа министры. Бледная рожа Илери мне понравилась. Ощущение странной внутренней пустоты — нет.

— Итак, уважаемые лорды, — я обвела взглядом присутствующих, — нас с вами ждут перемены! Отныне я сила и власть Альянса Прайды, а вы мои верные соратники... Не слуги! Я жду от вас дельных советов, продуманных рекомендаций и безукоризненного выполнения поставленных задач!

Седовласые лорды склонились в знак согласия и принятия... Ну а я уже знала, кого поставлю во главе объединенного министерства. Авер подчиняется мне беспрекословно,

идеально выполняет мои указания и не остерегается спорить со мной до хрипоты, в случае если я не права... а я не идеальна, следовательно, тоже ошибаюсь. Также нужно будет сменить руководство на местах. В частности, мне всегда не нравилось, как ведет дела городской глава... Прайду ждут перемены, а моих доверенных ойтлонских сотрудников — значительное повышение.

— Лорд Илери, — одним этим я продемонстрировала, насколько он понижен в должности, — а вас мы не задерживаем... Ступайте собирать вещи, вас ждут необработанные земельные угодья!

Несколько секунд Илери взирал на меня с абсолютной ненавистью во взгляде, явно продумывая способы и планы отмщения, но затем поклонился и с достоинством покинул собрание. Вот и замечательно, крысы на моем корабле мне не нужны, и уж тем более столь подлые и бесчестные!

Присутствующие отреагировали на случившееся откровенно шокированными взорами, но объяснять им я ничего не собиралась.

— Нас ждет напряженная работа, — сообщила я, садясь в кресло, — и... привыкайте обходиться без обеда.

Тут столько всего, что работать в подобном темпе почти год придется... Мне будет чем занять себя, дабы мыслей нехороших не возникало при кесаре.

* * *

Из кабинета министров я выбиралась, приложив пальчики к вискам и пытаюсь унять дикую головную боль... Это будет сложнее, чем я думала, но... я подумаю об этом завтра...

За ужином мне достаточно было один раз потребовать тишины, чтобы придворные боялись лишней раз клацнуть вилкой по тарелке... А голова все не унималась... Обычно подобные приступы мигрени посещали меня после Народного суда, и настроение в данном состоянии оставляло желать лучшего.

Внезапно стало совсем тихо, хотя, казалось бы, куда уж тише.

Погруженная и в паршивые мысли, и в дикую головную боль, я совершенно возмутительным образом проигнорировала мгновенно поднявшихся придворных. В конце концов, даже если там и кесарь, то... ну не обязательно же мне кланяться, и вообще — я на благо Прайды весь день пахала, и...

— Сиди, — нежный голос и ласковое касание губами к моему лбу, — очень плохо?

Иной раз муж, читающий мысли, — это благословение богов.

— Очень, — искренне призналась я.

— Сейчас все пройдет, — пообещал Араэден, и его пальцы коснулись моих висков. Вслед за этим раздалось его ласковое: — Лорды и леди, продолжайте трапезу.

Я хмыкнула. Теперь лорды и леди коллективно давились ужином и под страхом смертной казни не взглянули бы в нашу сторону.

В тот момент я еще не знала, что их выдержка подвергнется жесточайшему испытанию.

— О-о-о, да-а-а, — протянула я, когда пальцы кесаря, нежно массируя, прошлись от кончиков ушей до висков, — мм... продолжайте.

Кесарь усмехнулся и весьма громко, но от этого не менее волнующе прошептал:

— Как пожелаешь, радость моя...

Я не удержалась, посмотрела на придворных, превратившихся в один сплошной орган слухового восприятия, и мстительно, по отношению к ним естественно, произнесла:

— А у меня мно-о-ого желаний...

Прохладные губы коснулись моей щеки, проложили цепочку легких поцелуев к уху, и кесарь произнес:

— Любопытно было бы услышать...

— У вас неплохо и догадываться получается, — не удержавшись, съязвила я и тут же добавила: — Но первое я готова повторно озвучить прямо сейчас — продолжайте!

Прохладные пальцы умело пробежались от висков до шеи, начали мягко массировать плечи...

— Мм, — простонала я, — самый лучший момент за весь этот долгий день...

— А как же наш поцелуй? — смеясь, поинтересовался кесарь.

— Какой именно? — ледяным тоном поинтересовалась я, невольно вздрогнув при воспоминании о двух последних.

— Первый, — насмешливо уточнил супруг.

Мне уже искренне жаль придворных.

Но отвечать вслух не планировала и просто подумала: «Вам не хватало... искренности».

— Ты многое видишь, — ответил супруг, продолжая ласкать мои плечи, нежно касаться шеи, массировать напряженные мышцы.

Мгновение мне было не по себе, все же страх перед кесарем присутствовал, и изрядный, а потом стало как-то все равно, и, закрыв глаза, я, откинувшись на спинку стула, просто наслаждалась каждым его движением... И вот конкретно в этот самый миг, именно здесь и сейчас мне было хорошо, и спокойно, и даже приятно, и думать ни о чем не хотелось. И усталость отступала, и мысли тоже мчались куда-то далеко, и вообще странное расслабление охватило все тело...

— Достаточно? — любопытствовал кесарь.

— Вы волшебник... Спасибо.

Было так хорошо, что уже и есть не хотелось, а хотелось просто в горячую ванну.

Завершив приведение супруги в рабочее состояние, кесарь милостиво занял стул... рядом со мной. Пришлось даже подвинуться. И я вроде бы все понимаю, но его место на противоположном конце стола. Но видимо, супруг решил доставить слугам немало веселых мгновений в процессе спешного переноса столовых приборов на новое место.

— Им полезно, — подтвердил мое предположение император и тут же перешел к государственным делам. — Не советую смещать городского главу.

Удивленная его поведением молоденькая жена отступила, уступив место мне — бывшей наследнице Оитлона.

— Обоснуйте, — я даже кесаря бояться перестала.

— Дегр занимает эту должность много лет, у него связи и в теневом мире, снимешь его — у стражников возникнут сложности, — снизошел до пояснения кесарь, одновременно придвигая ближе поставленные для него блюда.

Я задумалась. Подумала. Не согласилась.

— То есть вы знаете, что часть средств идет мимо казны, и... согласны с этим? — несколько возмущенно спросила я.

Великий Араэден весело подмигнул, причем это хулиганское подмигивание совершенно не вписывалось в мои представления о манерах императора, затем пояснил:

— Это неизбежные потери, нежная моя.

После чего начал насыпать в свою тарелку что-то протертое персикового цвета. Я с удивлением отметила, что его рацион отличается от общепринятого и... Так, не о том думаю!

— Попробуй, — прошептал кесарь, набрал ложечкой немного персиковой массы и поднес к моим губам это самое нечто, — ну же.

Терпеть не могу мужчин, навязывающих свою еду! Они меня просто бесят!

— И все же, — продолжал искушать кесарь, и почему-то мне показалось, что это очередная проверка.

Ну, по меньшей мере, он точно не ракард, так что... и я приоткрыла рот. Ложечка скользнула между губами, я машинально все съела. Замерла на миг, пытаюсь распробовать, но, несмотря на близкое знакомство с нашим поваром и участие в приготовлениях оркской еды, распознать продукты, из которых сие пюре было приготовлено, так и не удалось.

— Мм! Что это? — Непривычный вкус, но восхитительный. — А можно еще?

Мне с хитрой улыбкой скормили вторую ложечку... О, представляю, как это со стороны выглядит, но надо приказать, чтобы мне готовили то же самое.

— Знаешь, что самое удивительное? — скармливая мне третью порцию, произнес кесарь.

— Что? — Блюдо оставляло приятное послевкусие, которым я и наслаждалась, закрыв глаза, для ощущения полноты вкуса.

Кесарь внезапно наклонился ко мне, и его губы накрыли мои... Я вскрикнула от неожиданности, но и мой крик, и мой протест были запечатаны его поцелуем. Сильные пальцы скользнули на затылок, не позволяя отстраниться, и в следующее мгновение он повторил тот маневр, что столь успешно прошел испытания на лестнице... Но тогда, на лестнице, я еще не знала, к чему могут привести поцелуи нашего великого! Сейчас знаю, и повторения мне совсем не хочется! Я вздрогнула, попыталась вырваться. Да, кесарю нельзя было отказывать даже в малейшем, и это знали все, но терпеть подобное я не намерена!

Рванувшись изо всех сил, я все же разорвала поцелуй, разгневанно глядя на супруга. Кесарь же ответил мне насмешливым взглядом. А далее последовал издевательский вопрос:

— Ты чем-то недовольна... жена моя?! — И ухмылка изогнула тонкие губы.

Ну да, я все же жена, а у него право мужа, собственно, на любые интимные действия в отношении меня.

— Именно, — подтвердил кесарь, продолжая пристально наблюдать за мной.

Мне, несомненно, было что ответить, но... к откровенности, даже мысленной, не располагала компания. Пришлось смириться, закрыть глаза и позволить супругу продолжить прилюдное развращение собственной жены. И он действительно вернулся к прерванному действию. Сначала легкое касание губами к моим губам, затем к щеке, едва ощутимо к глазам, и осторожные легкие поцелуи по щеке вниз. Прикосновение к шее — я внезапно вздрогнула, едва странное волнующее ощущение прошло волной... И я почувствовала, как растянулись в усмешке губы моего супруга, словно он был очень-очень чем-то доволен. Это и разозлило! И даже подумала о лежащей рядом вилке с острыми зубцами, которая премило бы смотрелась торчащей в императорской руке — ответом мне были тихий смех и возвращение к поцелую, на сей раз с участием пальцев, которые совершенно восхитительным образом ласкали мое запястье, заставив выронить вилку... И вот как с этим бороться?

— Никак, — кесарь прервал поцелуй и пристально посмотрел в мои распахнутые от удивления и вместе с тем страха глаза. — Но вернемся к самому удивительному, — и

очередная ложечка с пюре коснулась моих губ, — за много сотен лет ты первая, кто оценил это блюдо.

И вот дернуло меня любопытство, съев и эту порцию, все же спросить:

— Почему?

— Мне сложно ответить, — кесарь начал есть сам, — остальным моя еда казалась отвратительной. А ты оценила. Единственная за три сотни лет. Символично, не правда ли?

Свои мысли по данному поводу я попросту проигнорировала, решив дать волю исключительно любопытству.

— А что это? — не удержалась от вопроса я.

— Корни некоторых лесных трав, испеченные и растертые, лесные ягоды, фрукты и... — кесарь хитро посмотрел на меня, — и сырая морская рыба.

Я в изумлении уставилась на пюре, которое рыбу напоминало менее всего, а вот насчет корней... теперь понятно, откуда столь приятный привкус и длительное послевкусие.

— Не знаю, кто это готовит, — медленно произнесла я, стараясь незаметно отодвинуться от супруга, — но была бы искренне благодарна, если бы мне готовили то же самое.

— Мой повар — орк, — сознался кесарь.

— О-о-о... — только и смогла выговорить, — это лишь усиливает мое желание перейти на ваш рацион.

Кесарь протянул мне полную ложечку:

— Еще?

Так, что-то мне этот хитрый прищур уже не нравится, и вообще... мужчины и еда — это не то сочетание, которое я смогу воспринимать спокойно в ближайшее время.

— А вам не кажется, что я способна есть сама? — упрямо увернувшись от подношения, поинтересовалась я.

— Мне кажется, — кесарь очень ласково улыбнулся, и я мгновенно открыла рот, — что я уже много лет не получал такого удовольствия от столь восхитительной игры, как соблазнение девственницы.

Не думать, не думать, не думать... Хотя вот об этом как раз подумать можно:

— А вы соблазните только девственниц? — проглотив, поинтересовалась я.

Несколько дам за столом испытали приступ нервного кашля... причем самые привлекательные, исключительно утонченные блондинки... Вкусы кесаря не отличались разнообразием.

— Любил блондинок, — признался великий Араэден, — но вынужден признать, что и брюнетки не лишены очарования.

Повальный кашель в рядах придворных дам... Вспомнилось скабрзное высказывание конюха о том, что леди при дворе делятся на «дам» и тех, кого «просто плохо попросили».

Кесарь удивленно взглянул на меня и расхохотался. Мне стало обидно. Нет, не из-за количества соблазненных, а потому что... ну это наглость — не скрывать перед женой свои связи на стороне... Вот мама всегда была убеждена, что отец верен ей, а я... я просто видела счета его величества.

[Купить полную версию книги](#)